

ОТ АВТОРА КИНОБЕСТСЕЛЛЕРА «МОЙ ПАРЕНЬ - ПСИХ».

МЭТЬЮ
КВИК

СВЕТ -
ЭТО МЫ

«Даже в темноте может быть свет»
The Washington Post

МЭТЬЮ КВИК

СВЕТ – ЭТО МЫ

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69153496

Свет – это мы: Лайвбук; Москва; 2023

ISBN 978-5-907428-80-5

Аннотация

Роман о ежедневной силе любви, зыбучих песках печали и о том, что в каждом человеке, даже глубоко погрузившемся в горе, живет свет. Под самое Рождество в кинотеатр небольшого города Мажестик врывается подросток с оружием, гибнут люди. Город на долгое время погружается в отчаяние и мрак. Но однажды Лукас, потерявший во время стрельбы жену и пишущий безответные письма своему психоаналитику, обнаруживает у себя во дворе палатку, в которой скрывается младший брат убийцы. Зачем он пришел сюда? Чего хочет от Лукаса? Кажется, в Мажестике после этой встречи начинает что-то меняться и приходит понимание, что любовь, надежда и будущее принадлежат тем, кто готов услышать друг друга.

Содержание

1	5
2	16
3	32
4	47
5	59
6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

МЭТЬЮ КВИК

СВЕТ – ЭТО МЫ

*Посвящается мудрому и щедрому юнгианцу,
который помог мне вернуться домой. Спасибо.*

VOCATUS ATQUE NON VOCATUS DEUS ADERIT

«Званный или незванный, Бог пребудет»

*– НАДПИСЬ НА НАДГРОБНОМ КАМНЕ КАРЛА
ЮНГА*

Matthew Quick
We Are the Light

* * *

*This edition is published by arrangement with Sterling Lord
Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC.*

Copyright © 2022 by Matthew Quick

© Юрий Мачкасов, перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство „Лайвбук“», оформление, 2023

1

Дорогой Карл!

Прежде всего я хотел бы извиниться за то, что попытался прийти в Ваш кабинет даже после получения мной извещения, что Ваша практика закрыта и, следовательно, Вы больше не можете работать моим – или чьим угодно еще – психоаналитиком.

Я осознаю, что Ваш кабинет соединен с Вашим домом, и поскольку практика закрыта, вероятно, он стал теперь просто частью дома, и таким образом для меня недоступен. Я действовал механически. Каждую пятницу, ровно в семь вечера, на протяжении почти четырнадцати месяцев. Такую привычку сложно бросить. И Личность продолжала говорить мне: «Иди. Карл нуждается в тебе» – что поначалу приводило меня в замешательство, потому что я анализируемый, а Вы – аналитик, то есть это мне положено нуждаться в Вас, а не наоборот. Но Вы всегда говорили мне, что к Личности надо прислушиваться и что цель психоанализа – индивидуация Личности и познание Самости до степени идентификации с ней. Так вот, моя Личность требует отношений с Вами. Она все время твердит, что Вам нужна моя помощь. К тому же Дарси сказала, что я должен продолжать терапию. И вообще, я просто сам хотел пойти. Мне очень не хватает нашего еженедельного двухчасового «психоаналитического

ящика». Пятничным вечером.

Справляться без наших встреч было непросто, особенно в первое время. Многие предлагали мне найти Вам замену, но я всем отвечал, что дождусь Карла. Должен признаться, я не знал тогда, что ждать придется так долго. Но не огорчайтесь. Меньше всего мне хотелось бы Вас в чем-то упрекать, особенно в свете того, через что всем нам пришлось пройти, вместе и по отдельности. Я просто пытаюсь объяснить. Вы же всегда говорили, что я ничего не должен от Вас скрывать.

Я тоже оказался не в состоянии вернуться к своей работе после трагедии. Я пробовал, несколько раз, но не смог даже выйти из машины. Так и сидел на преподавательской стоянке, глядя на школьников, входящих в здание. Некоторые из них озабоченно оглядывались на меня, а я не мог понять, чего мне хотелось больше – помощи или стать невидимым. Очень странное ощущение. У Вас такое бывало? Я цеплялся за руль с такой силой, что белели костяшки.

Потом Исайя – мой начальник, друг и директор старшей школы в Мажестике, если Вы вдруг забыли, – выходил и садился рядом со мной, на правое сиденье. Он клал руку мне на плечо и говорил, что я уже и так помог многим детям и что для меня настало время помочь самому себе. Он также часто заходит ко мне домой. Он очень верующий, и поэтому говорит мне: «Лукас, ты – один из лучших людей, каких я встречал, и я совершенно уверен, что у Господа есть в отношении тебя план». Иногда он и его жена Бесс готовят для ме-

ня на моей же кухне, что очень мило с их стороны. Они и все продукты приносят сами. Бесс обычно приговаривает: «Лукас, тебе надо больше есть. Ты совсем исхудал». Это правда. Исайя мне очень хороший друг. Добрый. Бесс – удивительная женщина. Но Дарс – Вы ведь помните, что я иногда называю так мою Дарси, опуская последнюю гласную, – говорит, что я не могу никому рассказывать о ее превращении, так что мне сложно сдерживаться, кивать и держать язык за зубами всякий раз, когда Исайя и Бесс рассказывают мне о Господнем плане, что для них выглядит, будто я с ними соглашаюсь – в то время, как на самом деле я скрываю от них огромный секрет.

Я несколько раз бывал в их церкви воскресным утром, еще в январе – посещал то, что Исайя называет «молением». Интересно, что я был там единственным белым. Я люблю слушать, как поют госпел. Когда я пришел в первый раз, пастор в пурпурно-золотых одеяниях вызвал меня к алтарю, положил руки мне на голову и громко прочел молитву. Потом он призвал всех прихожан подойти, возложить на меня руки и тоже помолиться. Никогда в жизни меня не касалось одновременно столько рук. Я понимаю, что с их стороны это было проявлением расположения, но меня почему-то непрерывно трясло, даже после того, как молитвы закончились и все снова запели, очень возвышенно. Я даже боялся, не случились ли со мной судороги.

Я стал посещать воскресные службы, но через несколько

недель никто уже больше не молился за меня, и у меня появилось ощущение, будто я мешаю чему-то – что я чужой там. Когда я рассказал об этом Исайе, он сказал: «В доме Божьем чужаков не бывает». Очень мило, но Дарси сказала, что мне не стоит злоупотреблять гостеприимством, и поэтому я перестал ходить в церковь, хотя мне это и нравилось, и даже, возможно, было нужно тогда. Может быть, ближе к концу года, к Рождеству, попробую снова, если Исайя все еще будет меня звать. Дарси говорит, что так, наверное, будет нормально.

В прошлом декабре я посетил семнадцать из восемнадцати похорон. В смысле, по крайней мере побывал на них. Похоронные бюро постарались устроить так, чтобы никакие две службы не перекрывались по времени, потому что так решили скорбящие. Но некоторые все равно частично наложились друг на друга, в основном потому, что все хотели успеть с похоронами до Рождества. Я бы пришел и на все восемнадцать, но полицейские отказались пускать меня к Джейкобу Хансену. И позвольте мне сказать, что церемония для Вашей Леандры – на которой я пробыл от начала и до конца – была самой лучшей из всех. Мне очень понравилось, как Вы внесли в нее личную ноту, отказавшись от традиционной формы. Я и понятия не имел, что Ваша жена была виолончелисткой, пока Вы не показали тот ролик с ней, снятый в Вашей гостиной за день до трагедии. Я осознал тогда, насколько односторонним может быть психоанализ – Вы о моей Дарси зна-

ли почти все, а я в то же время не догадывался, кем Леандра была по профессии. Теперь я даже не уверен, знал ли до трагедии, как ее звали, что удивительно, поскольку мы часто встречали вас обоих в кинотеатре и всегда обменивались улыбками и махали руками – с уважительного, не вторгающегося в личные границы расстояния.

Я также восхищаюсь тем, что Вы провели похороны самостоятельно, без помощи священника или раввина. Я вовсе не уверен, что смог бы сделать то же самое, даже учитывая, что похороны Дарси были инсценировкой, а ее гроб явным образом остался пустым.

Если Вы вдруг переживаете, что пропустили похороны Дарси, – не стоит. Как я уже упомянул, они были не настоящие. Кроме того, я уверен, что Ваше отсутствие не заметил никто, кроме меня самого.

Так вот, что касается того ролика, который Вы показали на похоронах своей жены, – вы наверняка помните, какой именно: Леандра репетировала соло, которое собиралась исполнить на рождественском концерте, и выбор песни, которую она играла, породил во мне уверенность, что я обязан рассказать Вам о своем божественном опыте. Я расценил его как знак. Как доказательство, что Вы и я соединены теперь и что я все еще в своем уме.

Как Вы помните, песня была «Ангелы, к нам весть дошла». Я был поражен, как такая хрупкая женщина справлялась с таким громоздким инструментом. И восхищен небес-

ными звуками, которые она умелыми движениями смычка извлекала из него. Смотреть, как Леандра играет на собственных похоронах, было сродни чуду, так что я едва удержался, чтобы не вскочить с места и не побежать к алтарю. Будто Господь самолично спустился с небес и повелел мне объявить Вам чудную весть о произошедшей катастрофе – странно, потому что я вовсе не верующий. Я даже не уверен, существует ли Бог вообще.

Я, конечно же, не побежал к алтарю, а остался послушно сидеть. Мелодия в исполнении Леандры вертелась и вертелась у меня в голове, наполняя меня восторгом. Тело мое продолжало находиться на скамье, а вот душа – Личность, если хотите, – парила где-то в вышине, восхищаясь утренним светом, струившимся сквозь витражи, изображавшие святых.

Дальше я ничего не помню до тех пор, пока не обнаружил себя в толпе собравшихся у открытой могилы Леандры. Джилл, лучшая подруга Дарси, держала меня за руку. Когда моя душа скользнула обратно в мое тело, на носу у меня были темные очки. Вы в этот момент безудержно рыдали, положив руку на белый гроб Вашей жены. Ваш черный костюм, словно тяжелые доспехи, тянул вас к земле – Вы сгорбились, как старик, выглядели на девяносто восемь вместо своих семидесяти восьми. Вам никак не удавалось восстановить дыхание, и потому Вы не могли ничего сказать, а тем более объявить прощание завершённым. Никто не знал, что

делать, потому что среди нас не было священника или раввина, который бы взял течение событий в свои руки, а Вы не принимали помощи ни от кого из собравшихся. Вы махали на людей руками и даже иногда буквально отталкивали их от себя. Потом Вы начали повторять: «Церемония окончена. Идите домой. Оставьте меня в покое». Все неуверенно переминались, но наконец Робин Уизерс – городская библиотечка, чей муж Стив тоже погиб, – коснулась гроба, перекрестилась, поцеловала Вас в щеку и с достоинством удалилась. Это Вас, казалось, немного успокоило. Тогда все последовали ее примеру, включая меня и Джилл – мы были последними.

Но когда мы уже подходили к пикапу Джилл, я обернулся и увидел, что Вы все еще плакали, теперь уже в одиночестве, если не считать двух мужчин чуть поодаль, в синих комбинезонах, черных перчатках и вязаных шапочках. Они курили рядом со своим экскаватором и смотрели на Вас мертвыми глазами.

Джилл попыталась меня остановить, но я вырвался и побежал к Вам. Вы так бурно рыдали, что я испугался за Вашу жизнь, но я все же рассказал Вам и о том, что у Дарси теперь есть крыла, и как я лично видел Леандру и всех остальных поднимающимися ввысь из безжизненных луж крови, тогда в кинотеатре «Мажестик». Я описал для Вас их совместное вознесение к небесам. Их белоснежные перья, мерцающие подобно опалам. Мерное биение крыл. Достоинство, велико-

лепие, вознаграждение.

Не знаю, что из этого Вы тогда смогли расслышать. Я с радостью предоставлю Вам более подробный отчет, как только мы возобновим встречи по вечерам в пятницу, чему, собственно, и должно служить настоящее послание. Я полностью готов к Вашим вопросам.

Я скучаю по вытертому кожаному креслу и Вашим большим очкам в черной оправе. Я скучаю по рожице лофоцереусов на окне и по «фаллической силе», которую эти причудливые растения нам сообщали. Я скучаю по Вашим глубоким морщинам – они всегда придавали мне уверенность, потому что казались заслуженными тяжелым трудом, высеченными накопленной мудростью. Но больше всего я скучаю по той целительной энергии, что так естественно протекала между нами.

Бобби, наш полицейский, сказал, что мне запрещается теперь стучать к Вам в дверь, и я перестал, как Вы, надеюсь, заметили. Но Личность требует, чтобы я продолжал свои попытки тем или иным способом до Вас достучаться. Она, Личность, утверждает, что это жизненно важно – что от этого может в самом деле зависеть Ваша жизнь. Дарси предложила написать письмо, в качестве безопасного компромисса: «От письма не может быть никакого вреда. Слова на бумаге не могут ранить. Если для Карла они окажутся слишком сложными, то он сможет просто вернуть листок в конверт и отложить его на более позднее время». Она также сказала,

что я пишу очень разумные письма. Во времена нашей университетской юности мы с ней обменивались письмами, потому что тогда, в начале девяностых, мы учились в разных городах.

Не знаю, помните ли Вы такое, но в самом начале – когда вы только приступили к анализу меня – Вы... В общем, Вы однажды смотрели прямо мне в глаза в продолжение, казалось, четверти часа, а потом вдруг сказали: «Я люблю вас, Лукас». Тогда мне стало от этого не по себе. Я даже полез в Гугл, когда вернулся домой, с запросом «что делать если психотерапевт говорит я вас люблю». Это было еще в то время, когда я не полностью осознавал разницу между психотерапией и психоанализом. Практически все ссылки, которые я нашел, советовали мне немедленно прекратить посещать Вас, потому что терапевт, говорящий «я вас люблю», нарушает этические нормы и переходит границы. Я почти и прекратил, в основном потому, что был испуган. Если не считать Дарси, никто и никогда до этого не признавался мне в любви. По крайней мере искренне. Но потом, после череды наших двухчасовых свиданий пятничным вечером, мне постепенно стало легче и я начал понимать, что вы имели в виду: что Ваша душа была способна любить мою душу, потому что любовь есть предназначение любой души, ее работа, точно также, как работа легких – дышать, рта – жевать и чувствовать вкус, ног – ходить. И когда совместных пятничных вечеров накопилось достаточно, я постепенно поверил, что

Вы и в самом деле полюбили меня – не в плотском смысле, разумеется, и даже не в дружеском. Вы любили меня так, как лучшее начало в человеке естественным образом любит лучшее начало во всех других людях, стоит только избавиться от вредных, ядовитых наслоений.

Поэтому мне кажется важным сказать сейчас: «Я тоже люблю Вас, Карл», особенно учитывая, что мне никогда не удавалось донести это до Вас раньше. Я хотел, много раз – Вы ведь помогли мне избавиться от такого огромного количества комплексов. Дарси даже подзуживала меня, подбивала на то, чтобы я это сказал, но, очевидно, тогда еще было не время.

Я люблю Вас, Карл.

Я хочу Вам помочь.

Не можете же Вы прятаться в своем доме до скончания века. Вы не отшельник; это на Вас совершенно не похоже.

Моя Личность повторяет, что мне необходимо прорваться через вакуум невротической изоляции, которым Вы себя окружили.

Естественно, этим Вы поможете мне, но вместе с тем снова сможете помогать еще множеству людей – как только Вы должным образом оплатите убийство Леандры, Ваше сердце исцелится. В этом я абсолютно уверен.

Как я мог бы ускорить этот процесс? Что Вам требуется? Я готов на все, или почти на все.

Ваш самый верный анализируемый,
Лукас

2

Дорогой Карл!

Я и не ожидал получить ответ сразу же после первого письма, так что не беспокойтесь, моя решимость несколько не поколеблена его отсутствием. Даже наоборот.

Вместе с тем я не знал, какой длины пауза была бы подобающей, прежде чем взяться за второе. Неделя – слишком много или слишком мало? Опираясь на нашу совместную работу, я полагаю, что Вы сказали бы примерно так: «Что ж, возможно, не следует случайным образом устанавливать правила. Возможно, вам нужно довериться Личности. Чего требует Личность? Затихните на время. Закройте глаза. Дышите ровно. Не шевелитесь. И прислушайтесь».

Не прошло и нескольких часов с тех пор, как я опустил первое письмо в щель ящика в почтовом отделении Мажестика, а я уже в точности следовал Вашим рекомендациям, какими я их себе представлял. Я медитировал на скамейке под красным японским кленом у бензоколонки. И Личность ясно сообщила мне, что я должен написать еще одно письмо – прямо сейчас, немедленно, этим же вечером! Ее посыл был почти требовательным, но я решил, что дам Вам все же шанс сначала ответить, а то наша переписка быстро превратится в занудный монолог.

Дарси согласилась со мной. Она сказала: «Когда ухажива-

ешь за вдовцами, главное – не пережать». Это была шутка. Она часто подтрунивала надо мной, когда я собирался пятничным вечером, по ее словам, «к своему парню», и шутливо жаловалась Джилл, что я изменяю своей жене с Вами. Я никогда раньше не говорил Вам об этом, потому что помнил, что Вы велели держать психоанализ неприкосновенным – то есть никому не рассказывать о нем. Вы сравнивали его с готовкой риса на пару. Если снять крышку, то весь пар улетучивается и алхимический процесс становится невозможным. Но моей Дарс я все же должен был сказать, что я хожу к психоаналитику, потому что она распоряжалась семейным бюджетом, а Джилл – ее лучшая подруга, то есть, пока Дарс была еще в человеческом облике, она все ей рассказывала. Не думаю, что Джилл кому-то говорила о наших с Вами отношениях, бывших и, надеюсь, будущих.

Я недавно спросил ее об этом, и она ответила, что сразу почувствовала тут что-то глубоко личное и оставила эту информацию при себе. На Джилл можно в таких вещах положиться, так что я не совсем понимаю, почему Дарс теперь требует держать ее в неведении касательно своих крыл и решения остаться временно здесь, внизу. Я переговариваюсь с Дарс каждую ночь, но ни словом не могу обмолвиться об этом с Джилл. Мне кажется, это просто жестоко.

Но сегодня вечером я хотел бы поговорить именно о Джилл. Потому что со мной случилась неприятность, и я не знаю, что теперь делать. Собственно, это и было причиной

того, что даже после строжайшего предупреждения от полицейского Бобби я снова начал настойчиво появляться под окнами Вашего кабинета, надеясь, что Вы предоставите мне срочную консультацию. С трагедией в кинотеатре я, в общем, справляюсь самостоятельно, несмотря на весь ее ужас, но этот эпизод с Джилл заставляет меня мучиться совестью, особенно учитывая, что он составляет единственную тайну, которую я не открыл Дарси. Поскольку она больше не имеет человеческого облика, я слегка подозреваю, что она все равно в курсе, но уверенным тут быть нельзя. И даже если она простит меня – или каким-то чудом уже простила, – я скорее всего не смогу простить себя сам.

Мне хотелось рассказывать Вам об этом лично, поэтому я ничего не упомянул в прошлом письме, но я не в силах больше сдерживаться.

Не помню точно, что именно Вам известно о Джилл из наших встреч – если честно, я в последнее время вообще многое забываю, – поэтому начну с самого начала, в предположении, что Вы о ней вообще впервые слышите.

Дарси тихо и уверенно впитывает энергию окружающих, в то время как Джилл ее излучает. Дарси часто уступает. Джилл почти всегда идет напролом. Иногда это хорошо, а иногда разумнее уступить, так что они были прекрасной парой.

Чтобы было понятнее: никто не сделал для меня больше в эти последние месяцы, чем Джилл.

Вы заходили когда-нибудь в кафе «Кружка с ложками»? Через улицу от некогда славного, а ныне печально знаменитого кинотеатра «Мажестик»? Хотя я лично никогда вас в «Кружке» не видел, вы определенно там бывали, правда? Излюбленное место для всего города. Так вот, держит его Джилл. Блондинка на кухне – это она, и она же обходит зал, спрашивает у всех, как дела, и может взбодрить одной улыбкой лучше всякого кофе. Она была одной из немногих, кто мог рассмешить Дарси до слез. Дарси однажды буквально описалась от смеха, когда они перешучивались, приняв порядочно вина. Джилл тогда изображала меня, как я выгляжу со своей привычкой вечно осторожничать.

В общем, сразу после трагедии, когда вас всех увезли в больницу, я отправился на допрос в полицейский участок. Я, разумеется, отказался от своих прав, потому что был ни в чем не виновен. Дарс подтвердила, что все в порядке. Поэтому я позволил вежливой женщине в форме сфотографировать мои окровавленные руки и взять пробы из-под ногтей, а потом – в комнате, где на меня была направлена видеокамера, – рассказал следователям и работникам полиции, что именно произошло в кинотеатре «Мажестик». Естественно, о том, что Дарс, Леандра и еще пятнадцать человек обернулись ангелами, я умолчал, но в остальном все, что я говорил, было стопроцентной истиной.

Мне понадобилось сейчас не меньше часа, чтобы припомнить следующую деталь, но потом меня вдруг осенило. С од-

ним из полицейских я занимался, когда он был еще подростком. Он смотрел на меня как-то иначе. Все остальные как бы сторонились меня в страхе от тех слов, которые вылетали у меня изо рта, но в глазах Бобби я читал одобрение и поддержку. Несколько раз во время допроса он сказал: «Мистер Гудгейм очень помог мне в школе. Если бы не он, я вряд ли дотянул бы до выпуска». Не знаю, почему он это повторял, но мне это очень помогло. А когда я закончил свидетельствовать, Бобби заявил, что я вел себя героически, а присутствующим полицейским это не понравилось, скорее всего потому, что их учили подходить к расследованиям объективно и не торопиться с выводами, и это, несомненно, очень хороший принцип. Но все равно я был благодарен Бобби за то, что он встал на мою сторону и сразу понял, что факты совершенно недвусмысленно объясняют, почему у меня все руки в крови.

Когда допрос под видеозапись закончился, я, к своему удивлению, обнаружил в приемной полицейского участка Джилл, которая кричала, что меня нельзя допрашивать вне присутствия адвоката, и тогда я сказал ей, что все в порядке, потому что я ни в чем не виновен.

– Мы сейчас же тебя отсюда достанем, – сказала Джилл. Это показалось мне странным, потому что кроме нее в участок никто не пришел, и я не понял, зачем ей нужно было использовать местоимение множественного числа.

Когда мы сели в ее пикап, в котором на полную рабо-

тал обогреватель, она долгое время не включала передачу, а потом посмотрела на меня и сказала: «Дарс правда больше нет?»»

Поскольку Дарси взяла с меня, еще там, в кинотеатре, обет молчания, я не знал, как ответить на этот вопрос, поэтому я просто уставился вниз, на свои руки, но Джилл поняла это превратно – будто бы моя жена и впрямь убита и потому больше не существует, что, как я Вам уже сказал, не является истиной. Тогда она начала рыдать. Ее так трясло, что я испугался, не задохнется ли она до смерти, так что я схватил ее и, надеясь остановить ее кашель, прижал крепко к себе, и у меня получилось, хотя прошло не меньше тридцати минут, прежде чем она начала успокаиваться. В какой-то момент я начал гладить ее по волосам, которые пахли жимолостью, и повторять, что все хорошо, поскольку все и в самом деле было хорошо, хотя я и не имел права объяснить ей, почему именно.

Джилл осталась на ночь у нас дома, а потом в каком-то смысле неофициально переселилась ко мне. Она закрыла «Кружку» на весь декабрь, чтобы сопровождать меня на семнадцать пересекающихся по времени похорон, и умело отбивала любые попытки расспрашивать меня о том, о чем мне не хотелось бы говорить. Журналисты скоро начали от нее шарахаться. Джилл также успешно справилась и с моей матерью во время похорон Дарси, что – как, я уверен, Вам будет приятно слышать – помогло и мне самому совладать

со своими материнскими комплексами. Стоило моей матери предпринять попытку зажать меня на поминках в углу, как Джилл тут же заявляла: «Прошу прощения, миссис Гудгейм, но мне необходимо позаимствовать Лукаса на пару минут». А стоило маме сказать: «Но я же его мать!», как Джилл делала вид, что ничего не услышала, и утаскивала меня за руку. Когда мама еще только собиралась лететь сюда из Флориды, именно Джилл сказала ей, что остановиться ей лучше в гостинице, а не у меня – мне такой вариант даже и в голову не приходил.

Не знаю, как я смог бы выдержать все эти похороны, если бы Джилл не была рядом. И когда я никак не мог заставить себя снова войти в школу, она меня очень поддержала. Она, как и другие, повторяла, что я уже и так помог многим подросткам и что теперь настало время помочь самому себе – очень доброе отношение, которое немного помогло мне не так стыдиться своей хандры.

Трудности случились, когда Джилл попыталась продуманно облегчить мой траур.

Началось все месяца примерно через четыре после трагедии, как раз незадолго до того, как полицейский Бобби по Вашей просьбе мягко дал мне понять, что если я не прекращу каждую пятницу стучать в дверь Вашего кабинета и заглядывать в окна, то он меня арестует. Мы с Джилл сидели за нашим (моим и Дарси) кухонным столом и ели сэндвичи с салатом из тунца, которые она принесла со смены в

«Кружке», и тут Джилл сказала: «Мне кажется, нам с тобой неплохо было бы уехать на пару дней. А точнее, на первую неделю мая». Когда я спросил, почему вдруг, она напомнила мне, что третьего мая исполняется годовщина нашей с Дарси свадьбы, двадцать пятая. Джилл знала об этом, поскольку была на свадьбе подружкой невесты. Ее предложение меня поставило в тупик. Я хотел провести годовщину с Дарси, но Джилл была уверена, что Дарси умерла, потому-то она и проводила теперь так много времени у нас дома. Джилл хотела увезти меня куда-нибудь, где я не бывал вместе с Дарси, и таким образом притупить боль моей потери, что с ее стороны было очень мило. Я сказал, что подумаю, но позже ночью, когда я и Дарси встретились в нашей спальне за закрытой дверью, Дарс сказала: «Поедешь обязательно!»

– Но я хочу провести нашу двадцать пятую годовщину с тобой, а не с твоей лучшей подругой, – возразил я, и тут Дарси уперлась и сказала, что Джилл еще не готова узнать правду – что моя жена стала ангелом, – и потому у меня нет никакого повода, который позволил бы мне вывернуться из поездки с ней на годовщину. Мне это, в общем, показалось осмысленным, а поскольку Дарси пообещала прилететь туда, где мы с Джилл остановимся, и особенно учитывая, что мы будем спать в разных комнатах, никаких препятствий к моей с Дарси близости в ночь нашей годовщины не предвиделось.

Джилл заказала две комнаты в гостинице на берегу океана в Мэриленде. Из окна моей комнаты был виден приземи-

стый маяк в форме трапеции, и я подумал, что когда придет Дарси, это ей понравится, потому что она любит маяки.

Мы с Джилл оседлали велосипеды, взятые напрокат, и покатались – разумеется, в шлемах и потягивая воду из фляжек, пристегнутых на спине.

Потом полежали на пляже и окунулись в холодный океан, когда стало слишком жарко. После заката мы приняли душ и пошли на ужин в ресторан морской кухни в нашей гостинице.

Мы неторопливо работали над тремя бутылками вина, и все то время Джилл не умолкая болтала о Дарси, повторяя истории, которые я слышал уже тысячу раз. Как они еще девочками вылезали каждая из своего окна и встречались на пустыре, где сейчас аптека. И как купались при луне голышом. И как слушали сверчков. И как потели в летний зной. Она рассказала, как они с Дарси сбежали от своих кавалеров на выпускном, обменяв их на двух парней, которых встретили на набережной в предыдущие выходные. В результате они вчетвером уехали в Нью-Йорк. Парни оказались свежеспеченными маклерами с Уолл-стрит, только что из университетов. Они устроили пикник на лужайке в Центральном парке.

Мы с Дарс в школе дружили, и все. Я не был ее парой на выпускном вечере. Влюбились мы только когда я начал писать ей письма. Мы оба уехали из Мажестика, впервые в жизни. Джилл и Дарс странно смотрелись вместе, особенно

в детстве. Дарси была невысокая, шуплая, с черными волосами до плеч. Всегда милая и отзывчивая. Джилл была ростом с мальчишек своего возраста. Ее прямые светлые волосы ниспадали до самой задницы. По школьным коридорам она плыла подобно богине. Мне бы тогда и в голову не пришло с ней заговорить. Во взрослом возрасте Джилл всегда пряталась за нервными шутками, а Дарси всегда была готова над ними хохотать, закидывая голову и взреывая широко открытым ртом. Моей жене было несложно угодить, а Джилл старалась угодить. Джилл заставляла других девушек в своем присутствии чувствовать себя неуверенно, но моя жена была в гармонии со своей внешностью. Джилл была взбалмошной. Дарси – взвешенной. Их черты сочетались, как кусочки в головоломке. К каждому выступу, зубчику и крючку одной у другой имелось углубление, паз и петелька. Они идеально подходили друг дружке.

Однако, возвращаясь в ресторан: Джилл рассказывала, как Дарси ей помогла во время развода с Дерекком – который ее поколачивал достаточно сильно, чтобы под одеждой оставались синяки. Дерек, которого я всегда недолюбливал, сумел избежать последствий с законом при помощи своего брата, известного адвоката, а когда Джилл нашла наконец в себе силы рассказать об издевательствах, все следы уже зажили, так что никакого документального подтверждения ее словам не было. И вот вместо того, чтобы раскалывать панцири крабов, Джилл все повторяла, что скорее всего покон-

чила бы тогда с собой, если бы Дарси не было рядом. Потом речь ее постепенно перестала быть связной, и тут я понял, что все вино выпила в основном она.

Поэтому я отвел ее в постель, оставил на тумбочке пару бутылок воды, а сам скользнул в свою комнату – ждать прихода Дарси.

Мощный вращающийся луч маяка каждые несколько секунд заглядывал в мою комнату. Я мог бы задернуть плотные шторы, но мне не хотелось ему препятствовать. Мне представлялось, что он укажет Дарси путь. Я уже предвкушал, какой широкой будет улыбка на ее лице, когда она увидит, что эту ночь мы проведем рядом с самым настоящим огромным маяком, ритм которого она сможет чувствовать всю ночь. Меня немного беспокоили комары и мошка, но я все равно раскрыл окно и приготовился ждать.

Должно быть, я задремал. Разбудил меня стук в дверь. Я в полусне прошлепал через комнату – посмотреть, кто там. Скорее всего, кто-то ошибся комнатой, потому что Джилл была в отключке, а Дарси наверняка воспользовалась бы окном. Но когда я открыл, меня встретил такой поток страсти, какой только мог исходить от любящей жены в ночь двадцать пятой годовщины свадьбы. Ее руки шарили по моему телу, ее рот жадно впился в мой собственный. Не успел я опомниться, как уже лежал на спине. В возбужденном виде. А потом скользнул внутрь, и ее волосы касались моих щек, а потом я почувствовал запах жимолости и закричал: «Нет! Сле-

зай! Слезай!»

А потом Джилл обхватила руками мое лицо и шептала, что все хорошо, и что она больше не будет, и что мы просто выпили, и что это ничего не значит, но меня все равно трясло. Я опасался, что со мной случатся судороги. А потом мне показалось, будто что-то внутри меня пыталось вырваться наружу, но было недостаточно острым, чтобы прорезать внутренности, поэтому только ворочалось и билось, но никак не могло пробить себе путь. Я лежал на спине и стонал, и Джилл это очень огорчало, так, что она заплакала. Она стала повторять, снова и снова, что она чудовище и недостойна любви, и тогда это что-то внутри меня немедленно переключилось. Я схватил Джилл и крепко обнял. И сказал ей, что лучшая часть моей души очень любит лучшую часть ее души. Она ничего не отвечала, но я повторял, что лучшая часть моей души любит лучшую часть ее души, пока она не успокоилась и не уснула у меня в постели.

Я смотрел, как крутится луч прожектора, пока не взошло солнце. Дарси, разумеется, так и не появилась – она не хотела, чтобы Джилл увидела ее крыла. Узнать, что ее лучшая подруга стала ангелом, – такое потрясение могло убить ее наповал. Я немного сердился, что Джилл своим присутствием отпугнула Дарси в ночь нашей годовщины, но это чувство полностью исчезло наутро, и тогда мы съели скромный завтрак на первом этаже гостиницы и отправились в обратный путь, который прошел по большей части в молчании.

Мы въехали ко мне во двор, Джилл сняла передачу, заглушила мотор и долго сидела, уставившись в руль. Потом она сказала: «Я все испортила, да?»

Я, разумеется, сказал, что ничего подобного, и что мы можем списать все на выпитое вино, и что вообще все, что произошло в Мэриленде, даже недостойно упоминания. Она меня поблагодарила и неуклюже пошутила про алкоголизм, но я не засмеялся. Вместо этого я посмотрел ей прямо в глаза и повторил: «Ты достойна любви». Потом я с удивлением обнаружил, что моя рука коснулась ее подбородка, а в ее глазах стояли слезы, но она наконец сглотнула, кивнула пару раз, и тогда я ее отпустил.

Мы вошли в дом, заказали пиццу и посмотрели какое-то средненькое кино, сидя в противоположных углах дивана, на котором она и заснула и таким образом осталась на ночь.

Встретив у себя в комнате Дарси, я рассказал ей все, что произошло, за исключением только того момента, когда я оказался внутри Джилл. Дарси сказала, что я все сделал, как надо, и что она мной гордится, и мне, разумеется, стало очень стыдно. Потом она добавила, что я и Джилл сейчас друг другу необходимы и что она очень рада, что мы друг о друге заботимся. На этом месте я немного упал лицом вперед, но Дарс обволокла меня своими крылами и держала, пока мне не стало жарко – так жарко, что я испугался, не загорюсь ли я.

Взошло солнце, и я проснулся на полу, нагишом. Я сра-

зу же прокрутил в голове все, что случилось. Когда я дошел до того, как обманул Дарси, меня затошнило. Я задумался о том, видела ли она меня и Джилл прошлой ночью. С тех пор, как она превратилась в ангела, ей каким-то образом известны все подробности моей жизни, даже те, о которых я ей не рассказываю, и у меня, мягко говоря, заняло некоторое время к этому привыкнуть. Но о том, что произошло между мной и Джилл, она не обмолвилась ни словом, и я тоже. Впервые с нашего первого настоящего свидания, тогда, в девяносто втором, я почувствовал некоторое отчуждение от своей жены, и во мне зародилось беспокойство за будущее нашего брака.

Я решил, что мне поможет поговорить немного с Джилл, но в гостиной я ее не нашел, и на диване тоже. Она уже была в «Кружке», разносила завтраки добрым жителям города Мажестик в штате Пенсильвания.

Тут оказалось, что я быстрым шагом иду куда-то, а потом я обнаружил себя на тротуаре перед Вашим домом в надежде Вас увидеть – но Ваши шторы были, как всегда, плотно задернуты. Я не хотел подвергать себя опасности быть арестованным, поэтому пошел дальше. По непонятной мне самому причине я стал ходить туда-сюда мимо дома Джейкоба Хансена, и в результате прошел мимо него восемнадцать раз, пытаясь заставить себя заглянуть через забор – на случай, если его младший брат Эли или его мать вышли бы во двор, полить цветы, например. Я представлял себе, как он или она

помахали бы мне рукой, в приветственной или прощающей манере. Но мне так и не удалось повернуть голову в ту сторону. Ни единого раза.

Как обычно, всякий раз, когда мне встречались мои сограждане, мужчины и женщины Мажестика, они кивали или приподнимали шляпы – словно я какой-нибудь святой, волшебник или что-то подобное. Меня это начало беспокоить. В кинотеатре действительно случилось чудо, но я к нему никакого отношения не имел, что бы молва ни говорила. Я даже задумался, не в этом ли заключалась причина моей привлекательности для Джилл, которая – даже в свои почти пятьдесят – все еще была прекраснее, чем любая наугад выбранная кинозвезда. История про «скромного героя», которую раскрутили сначала местные, а потом и национальные газеты и телеканалы, похоже, очаровала всех, кроме меня самого, и это, мягко говоря, сбивало с толку.

А Вас в декабре тоже донимали репортеры? Джилл обычно забрасывала снежками тех из них, которые стояли лагерем перед моей дверью в первые несколько недель. А когда ударили морозы, она наполняла воздушные шарики водой и кидалась ими. Полицейский Бобби предупредил ее, что так делать нельзя. Она ужасно злилась. Я старался выскользнуть из задней двери и перемахнуть через забор, когда мне нужно было отвязаться от них и пойти на прогулку. Бывало, что они меня выслеживали и ходили за мной по городу. Я просто не обращал на них внимания. У меня тогда неплохо получа-

лось отгородиться от мира и замкнуться внутри себя. А после Рождества большинство газетчиков уехали гоняться за свежими сюжетами.

Дарс утверждает, что моя маска скромного героя – отличный камуфляж, в том смысле, что все те выдумки, которые ходят вокруг со времен трагедии, как раз и позволяют моей жене оставаться в Мажестике и посещать меня каждую ночь. Она говорит, что если бы вместо них люди узнали правду, то на ангелов немедленно началась бы охота, и нашим отношениям настал бы конец. Я, в общем, не спорю. Мне бы не хотелось, чтобы на мою жену охотились.

Я спросил у Дарс, можем ли мы рассчитывать на Ваше молчание, тем более сейчас, когда я пишу Вам эти откровенные письма, и Дарси ответила, что меня охраняет тот договор, который мы подписали в начале моего лечения, а именно, что все, что мы обсуждаем, никогда не выходит за пределы нашего психоаналитического ящика. Хотя Вы и решили закончить курс моего лечения раньше времени, Личность говорит мне, что я по-прежнему могу на Вас положиться.

Что Вы думаете о моем рассказе о событиях в Мэриленде? Он не заставил Вас меня немножко возненавидеть? Может быть, я Вас разочаровал?

Только честно.

Я не обижусь.

Обещаю.

3

Дорогой Карл!

Поскольку Вы так и не ответили, мне теперь кажется, что я уже сказал Вам слишком много и слишком быстро – однако мне необходимо Вам рассказать еще больше. Я пока что действовал избирательно. Но я помню, что Вы все еще в трауре, и недвусмысленно – при помощи уведомления, объявившего мне об окончании анализа, и Вашего дальнейшего молчания – выразили желание отстраниться в физическом, умственном и эмоциональном плане. Мне не хотелось бы Вас слишком обременять, особенно учитывая, что я больше не оплачиваю Ваше время.

Денег у меня достаточно. Страховая приняла свидетельство о смерти Дарси, которое Джилл им выслала, в качестве доказательства, и выплатила всю сумму, пусть и небольшую. Исаяя выхлопотал мне оплачиваемый отпуск, так что медицинская страховка и даже зарплата, каждые две недели, у меня все еще остались. Всем этим заведует Джилл. Сомневаюсь, чтобы дело было в деньгах, но на всякий случай скажу, что готов обсудить увеличение Вашей почасовой ставки. Вам ведь в какой-то момент все же понадобится источник дохода, верно? Я с радостью отдам Вам все, чем владею. Назовите цену, и Джилл выпишет Вам чек. Пусть даже придется ограничиться перепиской, а не личными встреча-

ми. Может быть, телефонный разговор – когда-нибудь позже. А дальше – кто знает?

Дарси говорит, что мне нужно продолжать слать Вам письма, независимо от того, отвечаете Вы на них или нет. Она также говорит, что мне помогает сам факт того, что я их пишу, и что Вас никто их читать не заставляет. Вполне возможно, что они будут лежать у Вас на кухонном столе неделями и месяцами, пока Ваша Личность наконец не потребует у Вас их открыть и прочесть. Может быть, тогда они побудят Вас снова взяться за психоанализ – и тогда нам не придется наверстывать упущенное время, потому что к нашим услугам будет подробный отчет обо всем, что со мной случилось, черным по белому.

В последнее время мои чувства кажутся мне неуверенными и шаткими. Я ни в чем Вас не виню, разумеется, но отсутствие обратной связи – особенно учитывая, какая эмоциональная работа содержится в этих конвертах – слегка расстроило мой Эдипов комплекс и заставляет меня беспокоиться о том, что боязнь отвержения может снова проникнуть в корни моей операционной системы. Я стараюсь вывести ее на сознательный уровень и все время держать в уме, как Вы и велели.

Ну, как когда Фрейд отверг Юнга, и у Юнга случилось расстройство, так что он спал с заряженным пистолетом рядом с постелью, на случай если придется быстро покинуть эту планету.

Я понимаю, что в этой ситуации лучше быть Юнгом, чем Фрейдом, так что прошу прощения за неудачную аналогию.

Впрочем, неважно. Я не собираюсь больше начинать письма с извинений или колебаний. Уже достаточно очевидно, что я испытываю внутренний конфликт по поводу нашей корреспонденции, при том, что я также полностью уверен в необходимости ее продолжать. «Карл нуждается в тебе!» – кричит на меня Личность изо дня в день. «Не смей отступаться!» Вот я и не отступлюсь. Ни шагу назад в битве за Карла. Лучшая часть моей души любит лучшую часть Вашей души. Мне хотелось бы, чтобы Вы не сомневались в верности этого утверждения, которое мне видится самоочевидной истиной. «Рассвет и закат случаются каждый день», как Вы обычно приговаривали.

Я вспоминаю ту Вашу историю о визите Юнга к примитивному племени. Они рассказали ему, что каждый день помогают Солнцу, своему отцу, пересекать небосклон. Это составляло для них смысл жизни – каждый день сопровождать бога солнца в его путешествии. Юнг пришел к выводу, что люди влияют на богов и даже в каком-то смысле участвуют в их появлении. А это значит, что нам необходимо воздерживаться от подпитки собственных неврозов, поскольку они препятствуют проявлениям Самости и таким образом ограничивают наши возможности по привнесению божественного в повседневность.

Надеюсь, что этой перепиской – хотя в настоящий момент

вся письменная часть за мной, а Вы только читатель – мы с Вами сможем помочь нашему собственному солнечному богу успешно достичь края небосвода.

Дарси говорит, что для меня эти письма способствуют разграничению между истинной, глубинной личностью и внешними невротами, а значит, и улучшению положения как в сознательной, так и в бессознательной сфере.

Помните, Вы говорили, что мое бессознательное находится в постоянном контакте с Вашим бессознательным, и оба они общаются с коллективным бессознательным, и что все эти переговоры необходимы, очень важны и в чем-то даже божественны.

Я осознаю, что мне нет необходимости напоминать Вам о таких вещах, поскольку Вы всю свою сознательную жизнь посвятили юнгианскому учению, в то время как я впервые познакомился с ним всего пару лет назад. Но Вы всегда призывали меня прислушиваться к моей душе; «Личности известно все!», и Ваш палец потрясает поучительно над головой. Я различаю искорки надежды в Ваших безоблачно голубых глазах. Они продолжают служить мне опорой.

Возможно, Вам интересно будет узнать, веду ли я все еще дневник сновидений, записываю ли то, что мое бессознательное пытается сообщить мне каждую ночь. К сожалению, я почти совсем не сплю в последнее время, поскольку предпочитаю проводить ночные часы с Дарси. Вы, вероятно, сочли бы ее еженощные посещения проявлением божествен-

ного, а значит, достойными быть запечатленными и проанализированными, так что я с нетерпением жду нашего с Вами обсуждения своих сверхъестественных супружеских отношений, как только Вы выйдете на связь. Я не думаю, что Вы подвергнете сомнению истинность моих утверждений, но на всякий случай, в качестве доказательства, я собрал некоторое количество ангельских перьев. Каждое утро, приходя в себя от забытья в коконе крыл, я нахожу у себя в постели несколько небольших перышек. Крохотных. Дюйм, не больше. Ничтожных по сравнению с теми, которые я имею возможность наблюдать в великолепии Дарси – те насчитывают от семи до четырнадцати дюймов в длину, так что я полагаю, что мне достаются пуховые перья, которые естественным образом короче маховых, в том числе и у ангелов. А Вы как думаете? У меня уже набрался целый пакет, он ждет Вас и Вашего внимания.

Однако самая важная новость, которой я хотел бы поделиться сегодня – да, я осознаю, что сместил ее с первой полосы, – это что во дворе у меня появился таинственный обитатель. Мы обнаружили его вечером в понедельник.

Я сидел в гостиной и читал «Кастрацию и мужскую ярость» Юджина Моника, потому что наконец закончил его же «Фаллос», последнюю книгу, которую Вы мне рекомендовали – в ноябре, когда мы говорили о распространении темного женского начала в культуре и необходимости возрождения чистой фаллической энергии для обуздания ток-

сичной маскулинности. Короче, Джилл разгружала посудомойку и вдруг закричала из кухни: «Лукас! Кто-то поставил палатку во дворе!»

Я отложил «Кастрацию и мужскую ярость» на журнальный столик и быстро проследовал на кухню. Наступили сумерки, и деревья вдоль западной границы наших владений загораживали последнюю полоску света. Двухместная палатка в углу двора светилась изнутри оранжевым, как тыква на Хэллоуин. Джилл спросила, ожидал ли я таких гостей, и я уверил ее, что конечно же нет. Тогда она спросила, что теперь делать. У меня не было никаких мыслей на этот счет, так что мы просто наблюдали за палаткой следующие полчаса. Полагаю, мы надеялись, что обитателю в конце концов придется выйти – в туалет или зачем-то еще, и тогда мы сможем его, или ее, опознать, но ничего подобного не произошло. Палатка так и продолжала ровно светиться, а мы продолжали стоять на кухне – с выключенным светом – и глядеть в окно над мойкой.

– Может, вызовем полицию? – предложила Джилл, но мне такое действие показалось преждевременным, поскольку никакого преступления никто не совершал, на что Джилл возразила:

- Незаконное проникновение – это уже преступление.
- Преступление без жертвы, – заметил я. – Пойду, посмотрю, кто это, а там разберемся.
- Ну, одного я тебя не пущу, – сказала Джилл и вытащи-

ла из шкафа метлу. Я сразу же понял, что она собиралась использовать ее в качестве оружия, если понадобится, и не смог удержаться от улыбки. Кого может испугать метла? Разве что она прилагалась бы к ведьме, но одного взгляда на лицо Джилл было достаточно, чтобы понять, что она не ведьма.

Мы выскользнули с заднего крыльца и прошли через двор. Я шел впереди, а она следовала за мной по пятам, ухватив метлу наподобие меча, так что прутья упирались ей в живот.

– Эй, – позвал я, когда мы подошли ближе, но никто не ответил. Уже совсем стемнело, и я упрекал себя, что мне не пришлось в голову захватить фонарик, но возвращаться не хотелось, и к тому же света изнутри палатки было достаточно. – Не бойтесь. Это мой дом. Со мной Джилл, мой друг. Мы бы хотели просто поговорить.

Ответа снова не последовало, и Джилл прижалась ко мне, так что наши предплечья пришли в соприкосновение. Было довольно тепло, и я почувствовал, что кожа у нее немного влажная. Она посмотрела на меня, а я пожал плечами, потому что не знал, что делать дальше.

Тут Джилл начала тыкать в палатку рукоятью метлы, приговаривая:

– Эй, там! Это частная собственность! Вылезай!

– Просто поговорить, – добавил я, желая смягчить настойчивость Джилл.

Нет ответа.

– Так, я звоню в полицию, – сказала Джилл, вытащила те-

лефон и начала набирать номер, но я прикрыл экран одной рукой и поднял вверх палец другой.

– Я расстегну палатку, – сказал я.

– Лукас, – сказала Джилл. Это означало: «нет, не надо», но я не послушался.

– Если вы не вылезете на счет «три», – сказал я тому, кто сидел внутри, – я медленно расстегну молнию и загляну внутрь. Ладно?

Джилл покачала головой, что опять же означало: «не надо», но я сказал: «раз» и поднял обе руки ладонями вперед, что означало: «спокойно». Она вздохнула и крепче ухватила метлу.

– Два, – сказал я. – На счет «три» я заглядываю.

Я сделал небольшую паузу, и мне стало интересно, не имеет ли Дарси какое-нибудь отношение к светящейся оранжевой палатке, волшебным образом выросшей у меня во дворе. Мне почему-то казалось, что она могла бы.

– Три. Все, захожу.

Я опустился на колени и медленно потянул молнию на пологе. Потом я засунул голову внутрь и увидел Эли Хансена, и глаза его умоляли меня о чем-то. Он сильно исхудал, и поэтому нос, уши, зубы казались слишком большими по сравнению с остальными чертами лица. Бледная кожа сообщила мне, что он не часто бывал на воздухе в последнее время. А немытая лохматая шевелюра напоминала застывший взрыв – космы во все стороны. Прежде, чем вытащить голову из

палатки и застегнуть молнию, я успел заметить внутри стопку книг, сумку, предположительно полную продуктов, большую емкость с водой и спальный мешок.

Джилл схватила меня за руку, и я понял, что уже какое-то время неподвижно сижу так на коленях.

Тогда я встал и пошел к дому, а она пошла за мной. На полдороге я повернулся и крикнул:

– Эли! Можешь оставаться здесь, сколько захочешь!

Мы вернулись в гостиную, и я рассказал Джилл, что работал с Эли в школе до трагедии и что также, уже после трагедии, в каком-то смысле поступил по отношению к нему тем же образом, что Вы, Карл, поступили по отношению ко мне – то есть по некоторой случайности исчез из его жизни и оставил его наедине с его проблемами. Разница в том, что он – будучи всего лишь подростком – не успел, разумеется, обзавестись женой-ангелом, которая утешала бы его по ночам. Он просто лишился брата из-за трагедии в кинотеатре «Мажестик». И хотя он не присутствовал там во время событий, ему в каком-то смысле даже хуже, чем нам, поскольку жители города считают его брата чудовищем, в то время как всех остальных погибших боготворят, а их выживших родственников почитают чуть ли не за святых.

– А что было не так с Эли? – спросила Джилл. – С чем ты ему помогал справиться?

Я ответил, что с ним все было «так». Ему просто необходимо было выговориться по многим разным поводам.

Эли пришел ко мне на прием в начале учебного года, в сентябре, потому что ему было одиноко. Поначалу он выглядел зажатым и неловким, но быстро раскрылся, как только мы познакомились поближе. У него не было особенных интересов, кроме старых фильмов ужасов, которые он любил пересматривать со своим братом. О брате он почти никогда ничего не говорил, хотя я его неоднократно о нем спрашивал. Я почти сразу понял, что Эли скрывает какой-то огромный секрет и что понадобится немало времени и усилий, чтобы этот секрет из него вытянуть. А потом случилась трагедия, и наш совместный труд прекратился.

– Возможно, я должен был работать быстрее? – спросил я у Джилл. – Как ты думаешь? Может быть, Эли поселился у меня во дворе именно поэтому? Что это все значит? Что теперь делать? Чем я могу помочь?

Не спорю, я был в легкой панике и вел себя не так, как обычно, и скорее всего именно поэтому Джилл позвонила Исайе, который немедленно прибыл вместе с Бесс.

К моему удивлению, Джилл сразу же села к Бесс в машину, и они укатили, оставив меня одного в компании моего лучшего друга (мужского пола), который положил руку мне на плечо, как он любит, и сказал: «Мальчишке крепко досталось», а потом пояснил, что Эли – который когда-то входил в первую десятку по академическим достижениям – перестал после трагедии делать домашние задания, а в последнее время и вовсе не являлся в школу, отчего мне снова ста-

ло стыдно, что я бросил его и всех остальных школьников, которые на меня полагались, как я полагался на Вас, Карл. Да, я вполне прочувствовал иронию этого положения.

– Я могу пойти и поговорить с ним, – сказал Исайя. – Мы можем ему посоветовать вернуться в школу и получить аттестат. Расписать ему его светлое будущее и все такое. Но что-то мне говорит, что он залез в палатку не для того, чтобы выслушивать проповеди.

– А что, ты думаешь, ему нужно?

– А ты сам как думаешь? Что тебе нутро подсказывает?

Я закрыл глаза, так же, как делал это пятничными вечерами в Вашем кабинете. Успокоил свои мысли, спустился глубоко внутрь себя и спросил Личность, что она посоветовала бы касательно Эли. Когда я открыл глаза, Исайя сказал, что его радует моя молитва, а когда я решил его не поправлять, добавил, что я обязательно обрету веру. Потом он сказал, что если кто и может помочь Эли, то это я. «Даже со всем тем, что случилось», сказал он.

– Этот парень поселился у тебя во дворе не просто так, – добавил он. – Как ты собираешься ответить на зов Господний, Лукас? Как исполнишь служение Всевышнему? Ты одарен духовной силой. Я видел ее. Скрывать от мира такой свет – просто грех.

Исайя ухватил мою голову и прижал к себе, так что мой лоб уперся ему в ключицу. Руки у него были сильные, он держал меня и обращался к своему богу с просьбой помочь мне

исполнить мое предназначение. В своей молитве он еще раз упомянул, что я добрый человек, что я помог многим подросткам, а потом сравнил меня с Самсоном, которому филистимляне сначала отрезали волосы, а потом ослепили и заковали в кандалы. Потом он сказал: «Господи, ниспошли моему другу и коллеге Лукасу силу, достаточную, чтобы повалить столпы, в которые он упирается, и восстановить порядок и согласие в помощь этому мальчику. Отче наш, Ты знаешь, что я молю тебя обо всех твоих чадах ежедневно, но этому, во дворе, нужна лишняя порция. А наш Лукас – именно то, что нужно, и мы с Тобой оба это понимаем. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь».

Тут Исайя отпустил меня, но сжал мое плечо еще крепче обычного, так, что я поморщился, а потом притянул к себе для дополнительного объятия. Потом он дважды похлопал меня по щеке, а потом рассказал, как дела в школе, и упомянул, что его дочь Ализа ждет ребенка. Он засмеялся, потому что Ализа, оказывается, объявила, что это они с мужем беременны, и сказал, что мы с ним окончательно устарели и скоро совсем перестанем понимать младшее поколение.

В выпускной год, который для нее был уже много, много лет назад, Ализа часто приходила ко мне в кабинет, поскольку с ней случилось то, что обычно называют «кризис веры» – то есть она начала сомневаться в той религии, которая досталась ей по наследству от Бесс и Исайи. Она настолько запуталась в своих чувствах по этому поводу, что совсем перестала

есть. Я по большей части просто сидел и слушал, но иногда также вставлял замечания, что она теперь взрослая девушка и только от нее самой зависит, как устроить свою будущую жизнь. Я помню, какое страдальческое было у нее выражение. Родители ожидали, что она так и будет петь в церковном хоре и учить малышей в воскресной школе, а у нее больше не было на это душевной энергии. И еще я помню, что удивлялся тогда – как это Бесс и Исаяя, будучи настолько чуткими и заботливыми людьми, воспитали дочь, которая боится сказать родителям, чего ей на самом деле хочется. Меня это огорчало, но Исаяе я не проронил ни слова. Это был секрет Ализы, а не мой.

Сразу после выпускного она отыскала меня на школьном футбольном поле, поцеловала в щеку и заключила в объятия, которые продолжались немного дольше, чем позволяли рамки приличия, шепча мне в ухо: «спасибо, спасибо». В конце того лета она улетела в университет в Лос-Анджелесе. Я ее в последнее время почти не встречал – она осела в Калифорнии и в Пенсильванию навещает редко.

Так вот, мы сидели в гостиной послемолитвенно, и я был рад за Исаяю и за беременных Ализу и Роберта, ее мужа – и я так и сказал вслух, – но на самом деле я был гораздо сильнее обеспокоен появлением Эли у меня во дворе.

Чего он хотел?

Что ему было нужно?

Почему он выбрал меня?

А вдруг он явился, чтобы наказать меня, потому что решил, что я в чем-то виновен? Я легко представляю себе, как неокрепший ум мог запутаться, пытаюсь сопоставить все детали событий того вечера в кинотеатре, попавшие в прессу, и тем более вывернутые наизнанку в интернете, не говоря уже о том, как слухи искажаются последствиями посттравматического стресса.

К моему удивлению, Исайя принес дорожную сумку и сказал, что Джилл останется на ночь с Бесс – чтобы «переговорить по-женски», – а сам он будет спать на моем диване, на случай если с Эли будет что-то не так.

– Каин и Авель, – сказал Исайя. – С первым, самым трудным заданием ты справился. Теперь пришла пора заняться юным пастухом, который и сам не более, чем агнец. У этого мальчика во всей его сущности не найдется ни крупинки злобы, но последние события научили нас, что ни на что нельзя полагаться. Так что давай медленно и внимательно.

Я думаю, он хотел сказать, что трагедии странным образом влияют на сознание, но не мне Вам об этом рассказывать. Думаю, и Юнг бы согласился.

Той ночью, когда я запер дверь и встретился со своей окрыленной Дарси, она указала на пятно оранжевого света за окном и сказала: «Путь вперед лежит через этого мальчика».

Я спросил, что это значит.

– Путь вперед лежит через этого мальчика, – повторила она.

– Было бы лицемерием с моей стороны продолжать писать письма Карлу, и в то же время отказываться от общения с Эли, так? – уточнил я. – Это в своем роде духовное испытание, да?

– Путь вперед лежит через этого мальчика.

Больше моя окрыленная Дарси ничего не сказала.

Утром Исайя встал и пошел в школу, а мальчик никак себя не проявил, даже когда Джилл к обеду вернулась и потыкала в палатку метлой.

Эли сидит в палатке уже четвертый день. Я не смог его застать снаружи от нее, хотя следил довольно внимательно. Все это очень странно, и – прошу прощения за подробности – мне очень интересно, каким образом он облегчается.

Я написал Вам это письмо, подпитал, так сказать, свои силы при помощи нашей терапевтической общности и теперь собираюсь поговорить с Эли – как только вернусь с почты.

Видите ли Вы меня, когда я иду мимо Вашего дома? Я всегда машу Вам рукой. Иногда я представляю себе, будто Вы подглядываете в щелку и улыбаетесь. Я прохожу мимо несколько раз на дню, в надежде, что когда-нибудь планеты сойдутся, как любят говорить.

Я очень скучаю.

Ваш самый верный анализируемый,
Лукас

Дорогой Карл!

Вы знакомы с Сандрой Койл?

Юрист.

Член родительского комитета.

Мелированные волосы до плеч?

Тяжелые очки в черепаховой оправе?

Дорогие костюмы?

Ее муж Грег – профессиональный игрок в гольф – погиб в кинотеатре «Мажестик» и немедленно преобразился в ангела. Я видел, как он вознесся в небеса, как и остальные шестнадцать, включая Дарси и Леандру.

Вы знаете, что Сандра была первой, кто согласился говорить с прессой после событий в кинотеатре «Мажестик»? Только она почему-то использовала при этом местоимение множественного числа. «Мы не позволим замолчать эту трагедию. Мы будем бороться. Мы будем осаждать политиков. Из этого хаоса мы извлечем порядок» – и это все не спрашивая никого из нас.

В сети есть видео с ней, снятое в ночь после стрельбы. Она смотрит прямо в объектив, макияж размазан, волосы всклокочены, на шее пятна крови. Уставив в камеру свой длинный палец, она вещает: «Позор трусливым политикам, благодаря которым подросток может свободно приобрести ору-

жие и патроны. Позор оружейным дельцам, взявшим мзду от девятнадцатилетнего, да еще явно не в своем уме. Позор родителям, воспитавшим убийцу».

Когда я смотрю это видео, мне становится тошно. Мне не кажется, что вину можно вот так аккуратно распределить. Возможно, позор распространяется на весь город Мажестик, за то, что он коллективно произвел Джейкоба Хансена, которому, кстати, в день трагедии был двадцать один год, а вовсе не девятнадцать. Сама Сандра – разве она не член того же сообщества? Или, может быть, позор системе школьного образования в Мажестике, частью которой являлся и я. Я провел большую часть своей сознательной жизни, изо всех сил пытаюсь предотвратить именно такие трагедии. Мне кажется, что я сделал все возможное, хотя с Джейкобом я никогда лично не работал. Были также и многие другие – Исайя, к примеру, – посвятившие всю свою карьеру воспитанию сознательных, чутких молодых людей. Исайя точно не заслуживает позора.

Сандра не знала, что ее муж обратился в величественного, исполненного благодати и источающего спокойствие ангела, и поначалу я прощал ее за слепую злобу и случайные метания.

Но в первые дни после трагедии у Сандры также не было никакого способа узнать, каким именно образом к Джейкобу попало оружие или какая причина побудила его начать расстреливать своих соседей, пришедших посмотреть рож-

дественское кино в старом здании, имеющем историческое значение. Поэтому от ее праведного гнева мне было немного не по себе.

Не подумайте дурного: я вполне понимаю, как ей больно. И жажду мести, свойственную людям, я тоже понимаю. Но неумолимость и непоколебимость ее ненависти – особенно после того, как прямо на ее глазах был убит ее муж, – вызывала во мне смешанные чувства, хотя я какое-то время держал их при себе. Разумеется, я поделился ими с Дарси, и она сказала: «Сандре не было даровано видение. У тебя перед ней огромное преимущество, не забывай».

Я догадываюсь, что окрыленный Грег не нашел в себе силы воспротивиться восхитительному сиянию, и потому отправился в вечное путешествие к его источнику, оставив Сандру разбираться во всем в одиночестве. Из всех одна лишь Дарси смогла временно бороться с притяжением всеобъемлющего света. Она предупредила, что не сможет удерживать себя вечно и что мне нужно подготовить себя к тому, что однажды и она исчезнет. Мы работаем над этим вместе, каждую ночь в запертой спальне – готовимся к неизбежному расставанию. Но я вполне осознаю свою привилегию. Возможно, и мое сердце было бы настолько же полно злобы, как и сердце Сандры, если не больше, не подари мне Дарси способность видеть ангелов и не останься она со мной, пока я пытаюсь примириться с новой действительностью.

«Подержать душу за руку», как она выражается.

Вскоре после трагедии Робин Уизерс, старший библиотекарь города, организовала в каком-то смысле группу поддержки для выживших. Почти уверен, что и Вам было направлено приглашение, но поскольку Вы ни разу не появлялись на собраниях и не отвечаете на мои письма, поклясться в этом я не могу. Я спросил у Робин, приглашала ли она Вас, и она заверила меня, что да, непременно, но возможно, что она меня обманывает. Не могу себе представить, зачем ей это могло бы понадобиться, но в этом безумном мире ничего нельзя исключать, и горе иногда воздействует на людей очень странным образом.

Поначалу собрания оказывали благотворное влияние. Специалисты по переживанию утраты беседовали с нами всеми вместе и поодиночке. Лично я имел разговор с приятным мужчиной по имени Трэвис, но чувствовал себя при этом неловко, хотя он был исключительно тактичен. В середине отведенного нам времени меня посетило ощущение, что я изменяю Вам с ним, так что я встал, объявил, что посещаю психоаналитика, и попрощался. Он вышел вслед за мной в спортзал – кабинки для бесед были устроены прямо там при помощи раздвижных перемычек и занавесок.

Он все повторял, как важно для меня должным образом все проработать, поскольку передо мной стояла, как он сказал, «титаническая психологическая задача», которую он, по его уверениям, мог помочь мне решить.

Я понимал, что говорит он искренне, но он явно не соби-

рался применять юнгианский подход, как мы с Вами, и поэтому я решил, что он только запутает то, чего мы уже достигли. Я вспомнил о неприкосновенности аналитического ящика, об удержании пара, на котором готовится рис, о том, что алхимический процесс ни в коем случае нельзя прерывать. Я улыбался и повторял про себя: «Карлу не придется за меня стыдиться».

Я аккуратно ходил на лекции и общие встречи, высиживал сеансы, где все совместно плакали над утратой, и пытался ощутить, как лучшая часть моей души любит лучшие части всех остальных душ. Иногда я держал других пострадавших за руки или позволял им пропитывать слезами мою рубашку. В этом чувствовался какой-то смысл – во всех этих мероприятиях, подчеркивавших общность наших переживаний и предоставлявших помощь в осмыслении произошедшего.

В то время я каждую ночь спрашивал Дарси, нельзя ли мне рассказать на общих собраниях о моем божественном опыте. Я убеждал ее, что для многих явилось бы откровением, что их близкие не страдали, не боялись, а моментально претворились в высших существ, куда более прекрасных и просветленных, чем самые лучшие люди на свете. Мне самому выпала огромная удача почувствовать целительную силу этого знания на себе, и поэтому мне казалось, будто я жестоким образом утаиваю от всех чудодейственное лекарство, которым обладаю. Дарс же возражала, что только пройдя с Вами через юнгианский анализ я оказался восприимчивым

к принятию священного, то есть был в состоянии вместить в себя откровение и не получить при этом психологическую травму, могущую неподготовленного привести к диссоциации или, того хуже, разрушению личности.

– Непосвященного такой рассказ может без преувеличения свести с ума, – говорила она. – Только имеющий глаза да видит, а имеющий уши да слышит. Скрытое предназначено не для всех. Это потайное знание.

Но вдруг оно вместе с тем еще и всеобъемлюще целительно? Бальзам для души? Я не мог отделаться от этой мысли. Не думаю, что мог предложить бы всем остальным хотя бы что-нибудь, да и просто вытаскивать себя по утрам из постели, если бы своими глазами не видел, как умершие восстали и вознеслись, если бы каждую ночь не общался с ангелом, обволакивающим меня своими крылами и восстанавливающим целостность моей души. Перья, оставляемые моей женой в качестве доказательства, служат моему разуму ежедневным спасением.

– Тебе будет явлено поручение, – говорит Дарси, – и ты поймешь, когда увидишь его.

Так что об ангелах и прочих подобных материях я молчу, но во всех остальных смыслах пытаюсь помочь, как уже и описал ранее.

Все Выжившие, как мы теперь себя называем, собрались вместе 26 декабря, на второе Рождество, так сказать. Правда, мы не ели праздничный ужин, не открывали подарки, не

пели святочные песни. Просто сидели вместе в библиотеке. Каждый из нас плакал в чье-нибудь плечо, и все говорили, насколько невыносимо было терпеть рядом присутствие тех, кто не сидел с нами в кинотеатре в момент трагедии, потому что они просто не понимали. Они действительно не понимали. Никто, даже Джилл.

Вы, наверное, видели, что Марк и Тони – пара, которая купила и отреставрировала историческое здание кинотеатра «Мажестик», – наняли рабочих, чтобы те повесили огромную траурную драпировку по всему фасаду, сделанному под церковный фронтон, в память о погибших. Они также объявили, что кинотеатр закрывается на неопределенный срок, в знак уважения к скорбящим. Не сомневаюсь, что многие могли бы принять это в качестве достойного жеста. Но они не были с нами тем вечером, так что им было не понять, что черная драпировка никому и ничем не помогала. К тому же поход в кино был для нас с Дарс заменой похода в церковь. «Туда приходят, чтобы восстановить веру в человечество! Смеяться, плакать, быть ребенком!» – любила говорить Дарси, и я с ней в общем согласен. Мы ходили каждую неделю. Поэтому, когда Марк и Тони отменили кино, для меня это явилось в каком-то смысле дополнительным наказанием. И то, что весь город был теперь лишен еще одной радости, меня очень угнетало.

Заставить себя плакать со всеми остальными я не мог, потому что окрыленная Дарси утешала меня каждую ночь.

Сандра на собраниях не проронила ни единой слезинки. Она также ни с кем не обнималась и не держалась за руки. Она только бесилась. Я не хочу сказать, что она не сожалела о потере своего мужа, особенно учитывая, что у них осталось двое детей младшего школьного возраста – по счастью, их не было в кинотеатре, когда началась стрельба, потому что они сидели дома с няней. Сандра не подходила ко мне, но я заметил, что она утаскивала то одного, то другого из нас в угол комнаты и там поучала. Лицо у нее при этом приобретало ярко-красный оттенок. Сандра была как извергающийся вулкан. Ее палец постоянно двигался туда-сюда перед носом собеседника. Иногда из ее рта стремительно вылетали капельки слюны, как если бы они пытались ускользнуть из раскаленной топки.

Месяца через три после трагедии, где-то в конце марта, Сандра взяла на себя задачу преобразить наши совместные встречи, перенаправляя наше внимание с исцеления на борьбу с огнестрельным оружием. Я ничего не имею против политики. Я не владею оружием. Я не огорчился бы, если бы в жизни больше не увидел ни одного пистолета, включая игрушечные. Так что я не осуждаю ее побуждения. Но цель наших встреч – по возможности утешить друг друга – вскорости заменилась другой: сведением счетов.

В какой-то момент я набрался храбрости, встал и произнес короткую речь в защиту завершения работы над одной задачей, прежде чем браться за следующую. Я сказал, что

нам несомненно станет легче, как душевно, так и духовно, когда мы завершим оплакивать наши утраты, и тогда мы сможем сообща решить, в чем состоят следующие шаги. Моя речь явно нашла отклик: почти все присутствующие кивали и держали со мной визуальный контакт.

Но Сандра взорвалась. Она ходила взад и вперед по комнате, выкрикивая:

– И каково вам будет с вашим драгоценным оплакиванием, когда еще один подросток расстреляет еще одну группу невинных людей прежде, чем мы соберемся что-нибудь сделать по этому поводу? Мы тогда, наверное, напишем коллективное письмо семьям жертв: извините, мы решили сначала как следует исцелиться, и только потом планировали бороться, так что глубокие соболезнования в связи с вашей утратой? Это что, ответственный подход?

Уперев руки в бока, Сандра оглядела комнату, бросая вызов любому, кто осмелится бы на нее посмотреть. Никто и не осмелится. Даже я, хотя у меня в тылу всамделишный ангел.

А потом Сандра сказала:

– А что касается тебя, Лукас, – и тут у меня кровь застыла в жилах, потому что по ледяному тону ее голоса я догадался, что она готовит смертельный удар, который она и не преминула нанести, – то я, честно говоря, удивлена. Уж кто-кто, а ты, мне казалось, в состоянии оценить необходимость быстрых и безжалостных действий.

Я задышался, как будто Сандра невидимой рукой дотяну-

лась до моего горла и пережала мне воздух. Мне снова было пять лет, моя мать высилась надо мной и кричала: «Позор!» В ту секунду я понял, что больше никогда не приду на общее собрание Выживших. Так и случилось. Это был последний раз. Они все потом перебивали у меня дома, умоляя меня вернуться. Все, кроме Сандры; это и убедило меня окончательно, что она осуществила на меня сознательное психологическое покушение. Впрочем, юнгианцы, наверное, уточнят, что она намеревалась меня скорее психологически оскопить.

В первое время и Джилл, и Исайя, и Бесс не раз спрашивали, почему я вдруг отказываюсь присоединиться к Выжившим, но я им ничего ответить не мог. Дарси посоветовала выждать какое-то время и собраться с силами, прежде чем сделать ответный ход, а что я его сделаю, она не сомневается – хотя бы для того, чтобы избавить людей от тьмы, поселившейся в душе Сандры Койл. Но потом во дворах жителей Мажестика начали появляться политические транспаранты, а Сандра зачастила на местную телестудию и радиостанцию, а потом стала постоянным гостем и в подкастах по всему миру, и моим друзьям стало все ясно и без объяснений.

Теперь, когда кто-нибудь из Выживших встречается со мной в городе, они всегда отмечают, как бы им хотелось вернуться в ранние дни наших общих собраний, и спрашивают, не хотел бы я встретиться с ними за чашкой чая, или прогуляться вместе, или просто где-нибудь посидеть. Я никогда не

отказываю, и в результате моя рубашка неизменно оказывается мокрой от слез. «Если бы только мы могли что-нибудь сделать, а не просто злиться», говорят они мне, так что я давно и напряженно думаю над решением этой задачи.

Дарси постоянно повторяла, что решение само найдет меня, когда я буду к нему готов, и что не знать ход битвы прежде, чем я обрету достаточную духовную и душевную силу, чтобы вступить в нее, – благословение. Этому утверждению нельзя отказать в определенной логике. Должен признаться, что иметь под рукой ангела иногда очень полезно.

Власть Сандры, похоже, растет с каждым днем. Недавно она пробилась себе приглашение в актовый зал школы и, со слов Исайи, прочла со сцены лекцию, содержание которой слегка расходилось с принципами моего лучшего друга. «Эта женщина немилосердно страдает, но при этом она немилосердно требует, чтобы все вокруг страдали еще сильнее», сказал он. И на этом давайте оставим тему, поскольку я не хотел бы понапрасну дурно отзываться о Выжившем.

Я не сержусь на Сандру. Но вместе с тем я не могу избежать вывода, что она отпихнула меня с дороги, чтобы я не мешал ей заниматься тем, чем она в настоящий момент занимается. Кто знает, возможно, ей удастся добиться принятия разумных законов по ограничению владения оружием, что поможет предотвратить будущие трагедии. Возможно, такая цель оправдывает средства. Не исключено. Но я не могу избавиться от впечатления, что я в каком-то смысле

предал остальных Выживших, уступив Сандре Койл.

Я и в самом деле не понимал, что со всем этим делать, пока у меня во дворе не поселился Эли Хансен.

Вы же не думали, что я забыл о зацепке, которую оставил в конце предыдущего письма?

Напишите мне в ответ, и я расскажу Вам об Эли.

Эту историю Вам не захочется пропустить.

Вы уж мне поверьте.

Прошу вас, ответьте; мне бы это невероятно помогло.

Если честно, то несмотря на бодрый тон, который я взял на протяжении этих писем, чтобы они выглядели веселей, я тут еле держусь.

Встреча была бы сейчас очень кстати.

Ваш самый преданный анализируемый,

Лукас

Дорогой Карл!

Что ж. Вы так и не ответили. Я надеялся, что приманка в виде Эли вас соблазнит. Возможно, необходимо было еще переждать. На самом деле Вы и не могли бы так быстро при-слать ответ посредством почтовой службы, но я надеялся, скажем, на записку, доставленную лично, или телефонный звонок, или мейл. Дело в том, что произошло сразу много со-бытий, причем очень быстро, и я решил снова сесть за пись-мо уже сегодня. Во мне теснятся миллионы слов, жаждущих выплеснуться на бумагу. Так что за дело!

Когда я отослал предыдущее письмо, в котором появля-ется Эли, – нет, постойте, это, кажется, было два письма на-зад. В общем, когда я просунул его в щель для писем и га-зет в Вашей двери, я принял решение поговорить с Эли. (Да, я знаю, что говорил о почтовом отделении, но мне хотелось бы, чтобы Вы прочли мои письма как можно скорее, и к то-му же я удостоверился, что никто не увидел, как я нарушаю запрет на приближение к Вашему дому, так доходчиво пе-реданный мне полицейским Бобби.) Эли сидел в оранжевой палатке уже четыре дня, и я начал беспокоиться, не останет-ся ли он в ней навечно.

Я шагал домой, вежливо приветствуя встречных, как мне и свойственно, и мысленно примеривал варианты беседы с

этим молодым человеком. Мне не хотелось его поучать. Моей целью было скорее его разговорить, а самому – внимательно слушать, что у меня естественным образом очень хорошо выходит. Взвесив все свои возможности, я пришел к выводу, что прежде всего попрошу разрешения залезть в палатку, а потом – при условии, что получу его, – сяду внутри потурецки и стану просто мягко смотреть Эли в глаза, как Вы делали когда-то, посылая свою душевную сущность внутрь меня или пытаюсь разыскать мою сущность «на астральном уровне». Я решил, что это будет самым доходчивым способом объяснить Эли, что лучшая часть моей души любит лучшую часть его души и что я рад приветствовать его палатку в своем дворе. Что я здесь, с ним вместе. Что я собираюсь принести ему всего себя без остатка. И что я более чем готов продолжить ту работу, которую мы начали в начале года.

Но когда я проходил по Мэйн-стрит и в поле моего зрения показалась огромная черная шелковая драпировка на фасаде кинотеатра, я ощутил сильный голод, и не успел я опомниться, как уже сидел в «Кружке с ложками», а передо мной лежал сэндвич с беконом и стоял стакан чая со льдом. Однако смешной момент заключался в том, что стоило мне откусить один кусочек от лучшего блюда Джилл для слепоглухонного гостя, моего самого любимого, как я почувствовал тошноту – до такой степени, что не смог бы больше поднести пищу ко рту даже и за миллион. Джилл вышла с кухни и спросила, что не так с едой, и мне пришлось признаться, что

я очень нервничаю перед разговором с Эли.

Джилл сказала:

– Давай ты подождешь, пока я тут закончу. Мы закрываемся в семь.

И вот, поскольку было уже почти пять, я согласился пойти прогуляться, а потом подобрать Джилл у «Кружки», когда она выйдет.

Весна стояла теплая, и на Мэйн-стрит было полно народа, так что я немедленно свернул на улицы поменьше, чтобы не участвовать в надоевшей мне пьесе, обожествляющей главного героя Лукаса Гудгейма. Я прошел мимо Вашего дома еще восемнадцать раз, но снова не смог повернуть голову и посмотреть, не вышли ли Вы во двор или не выглянули ли в окно – или, быть может, читали мое последнее письмо. Раз или два мне послышалось, что Вы позвали меня по имени, и я останавливался, закрывал покрепче глаза и прислушивался – но скоро понял, что Ваш голос исходил изнутри моей головы.

Я также прошел мимо дома Эли ровно восемнадцать раз, в надежде увидеть его мать и получить какую-нибудь полезную информацию, которая могла бы помочь мне разрешить загадку появления ее младшего сына в палатке у меня во дворе. Но и здесь я не смог заставить себя взглянуть, чтобы узнать, не вышла ли миссис Хансен. Также по непонятной причине всякий раз, когда в моем поле зрения показывался ее дом, что-то заставляло меня перейти на бег, и в результа-

те я так быстро носился взад-вперед перед домом Хансенов, что упарился и вскоре был весь в поту.

Как раз после восемнадцатого прохода подкатила полицейская машина, в которой сидел Бобби. Он спросил меня, все ли в порядке – ответ на что был, конечно же, утвердительным.

– Мистер Гудгейм, зачем вы носитесь мимо дома Хансенов? – поинтересовался он приветливым голосом.

– Работаю над своей дыхалкой, – ответил я, в ответ на что он предложил мне работать над ней подальше от миссис Хансен.

– Выглядит, как вы понимаете, не очень, – добавил Бобби, и от этого меня снова затошнило.

– Просто пробежка, – подчеркнул я снова.

– Конечно, – сказал он. – Но на всякий случай садитесь, я вас подкину к «Кружке».

– Откуда вы знаете, что мне туда нужно?

– Случайно угадал.

Я сказал, что вспотел и от меня, наверное, неприятно пахнет, но он ответил, что такие вещи его не беспокоят, и настойчиво повторил свое приглашение. Я спросил, значит ли это, что он хочет меня арестовать. На что он сказал: «С чего вы вдруг это взяли?» таким тоном, что мне сразу полегчало, и я решил все же сесть к нему в машину. В мгновение ока мы оказались около «Кружки с ложками», и Джилл сразу вынесла Бобби сэндвич с беконом «за счет заведения», потому что

он меня нашел и вернул к ней. Тут я понял, что кто-то скорее всего позвонил ей и сказал, что я бегаю туда-сюда мимо Вашего дома и дома миссис Хансен.

Это не были Вы?

Я не рассержусь, если так и окажется. Но если Вы были обеспокоены чем-то, почему бы Вам тогда было не выйти и не поговорить со мной лично?

Я, разумеется, спросил у Джилл, кто ее упредил. Она сказала, что понятия не имеет, о чем это я, но ее левая бровь при этом выгнулась немного, что с ней случается всегда, когда она врет. Мы отправились домой в ее пикапе, и я решил, что эту загадку я временно отставлю в сторону, поскольку прежде всего надо разобраться с Эли, и это потребует всех моих умственных сил без остатка.

Поскольку я не смог поехать тогда, Джилл принесла с собой мне на обед немного супа – своего знаменитого, фасолевого – и ломоть хлеба с хрустящей корочкой. Я попытался в себя это впихнуть, но не преуспел. Джилл сказала, что это просто нервы перед разговором с Эли, «и неудивительно», от чего мне стало еще хуже. Потом она сказала: «Боже, Лукас, ты прямо позеленел», и меня стошнило в раковину, и тогда Джилл отвела меня в постель и дала какое-то лекарство, от которого я немедленно заснул.

Посреди ночи меня разбудил жуткий звук.

Я сел на постели и огляделся, все еще в полусне. Прошла пара минут, прежде чем мои глаза привыкли к темноте, а

мое сознание включилось, но когда это произошло, я встал и подошел к окну, которое Джилл, вероятнее всего, открыла перед уходом, потому что ни я, ни она не любим по ночам гонять кондиционер. (От него потом в горле сухо.) Я ясно видел светящуюся оранжевую палатку. Она казалась мне очень яркой, потому что ночь была безлунной. И тут я снова услышал стон, холодящий кровь, который немедленно вызвал в моей памяти кинотеатр «Мажестик» в тот момент, когда стрельба прекратилась. Как будто кто-то производил операцию над Личностью без анестезии. Как будто у Эли там, в палатке, удаляли душу.

Потом я обнаружил, что спускаюсь по лестнице, а Джилл следует за мной по пятам, повторяя: «Надо звать полицию. Мальчику срочно нужна помощь».

Я, разумеется, никак не мог ей рассказать, что Дарси сказала мне об Эли и пути вперед, поэтому я в ответ только повторил: «Никакой полиции».

– Соседи вызовут, если еще не вызвали, – ответила на это Джилл, но я продолжал спускаться. Когда я дошел до двери, она развернула меня лицом к себе и сказала:

– Мне кажется, ты к этому еще не готов.

Я видел, что ей было страшно, но не совсем понятно, чего именно. Мне бы хотелось докопаться до основания ее страха, но тут было необходимо выбирать, что важнее, и стоны Эли имели достаточный приоритет, так что я вышел из дома и устремился по направлению к оранжевому сиянию.

Эли, скорее всего, услышал звук открывающейся двери и постарался заглушить свои страдания. Ему удалось только уменьшить громкость, и я по-прежнему слышал, как он всхлипывает – только тише. Я подумал, что он, скорее всего, зарылся лицом в свой спальный мешок, но когда я растянул полог и засунул голову внутрь, то увидел, что он сидит, обхватив лицо руками и слезы буквально струятся у него между пальцев. Я коснулся его плеча, так же, как Исайя много раз касался моего. Он вздрогнул, я отнял руку, и тут мне вспомнился разработанный мной план.

Я залез в палатку, застегнул за собой молнию, сел по-турецки лицом к нему, расфокусировал взгляд и постарался найти его на астральном уровне. Минут через пять или около того он опустил руки, его глаза уставились в мои, дыхание начало замедляться, и я почувствовал, что он начал расслабляться.

Наконец он выговорил:

– Я не знаю, что мне делать. Мне больше некуда идти.

– Хорошо, – сказал я, продолжая делать то же, что Вы делали со мной так много раз в своем кабинете: проникали в меня психологически, обволакивая лучшую часть моей души лучшей частью своей души.

– Что вы делаете? – спросил он, но уже тише, и я объяснил ему, что пытаюсь его успокоить, и что мне это в целом удастся, и было бы неплохо, если бы он не сопротивлялся, на что он, к счастью, не стал протестовать.

Мы долго сидели молча, просто глядя друг на друга. Я знал, что там, снаружи, Джилл волнуется и пытается понять, что происходит в палатке, но у нее хватило ума не разрушать наш мужской заговор словами или вторжением, за что я был ей очень благодарен. Я также слышал звук величественных крыл Дарси где-то в вышине и ощущал ее ангельски благосклонный взгляд, направленный на меня, – поскольку для ангелов тонкая материя палатки вовсе не помеха. Мне стало интересно, не догадается ли Джилл закинуть голову назад, попытаюсь определить источник этого мерно повторяющегося звука, но удивленного вскрика от нее так и не последовало, так что похоже, что она и не взглянула вверх. Жалко, но вместе с тем и к лучшему.

Я сидел напротив Эли и наблюдал, как боль и беспомощность покидают его тело, мышцы распускаются, а Личность возвращается на место.

А потом я укладывал его на диване в гостиной, накрывал простыней и повторял, что все будет хорошо, что он не ошибся, придя ко мне, и что я помогу ему, сколько бы времени это ни потребовало. Из дальнего угла на меня с одобрением смотрела Джилл. Я пытался понять, откуда во мне взялась сила, которая позволяла лучшей части моей души помогать Эли, – сила, трепетная в буквальном смысле, то есть наполняющая меня священным трепетом.

Глаза у мальчика были закрыты, но он успел пробормотать: «Мистер Гудгейм, я вас не виню».

Я не успел ответить – он уже спал.

Джилл поднялась вместе со мной по лестнице и спросила: «Как ты?» Я вежливо ответил, что мне нужно побыть одному, проскользнул в спальню и запер за собой дверь.

Дарс была уже там. Она влетела через открытое окно и смотрела на меня с гордой улыбкой.

– Путь вперед лежит через этого мальчика, – сказала она еще решительнее, чем прежде. У меня не было сил отвечать – я просто упал вперед, в ее горную сущность, она обволокла меня своими теплыми крылами, и я потерял сознание.

На следующее утро я проснулся у себя в постели, а Дарси исчезла. Я собрал с кровати четырнадцать перышек, в качестве доказательства, что мое неисповедимое свидание мне не приснилось.

Джилл, разумеется, уже ушла, как и в любое другое утро – обеспечивать завтраком добрых жителей города Мажестик в штате Пенсильвания.

Эли все еще спал на диване, так что я поставил кофе, сделал яичницу и поджарил тосты. Слово по волшебству, он приплелся на кухню ровно в тот момент, когда я ставил тарелку с его едой на стол. Оказалось, что кофе он любит без молока, так же, как и я. Мы ели, сопровождаемые звуками вилок и ножей, скребущих по тарелкам, а также звуками мужчин, жадно заглатывающих пищу, а потом Эли зарядил посудомойку, а я отскреб сковородку.

Потом Эли сказал:

– Я не собираюсь возвращаться в школу и не могу возвращаться домой.

– Хорошо, – сказал я.

– В каком смысле «хорошо»?

– Хорошо, – повторил я, придав своему голосу оттенок понимания и беззаботности, что немного разрядило обстановку.

Полагаю, он ожидал от меня проповеди или списка последующих действий – он склонил голову немного набок, правым ухом к правому плечу, и приподнял брови, выражая таким образом неуверенность.

– Говорят, вы поехали головой, – сказал он после паузы. – Типа реально того.

Я такого раньше не слышал, но эта информация меня не удивила. Я решил не отвечать, а слушать дальше. Поддерживать интерес, как Вы всегда советуете в любой ситуации.

– Вы в самом деле? – продолжил Эли, когда стало ясно, что без явно поставленного вопроса я отвечать не собираюсь. – В смысле чокнулись.

– Как тебе кажется, я сошел с ума? – задал я встречный вопрос, не спуская с него взгляда, пока он сам не отвернулся. То есть я снова использовал один из Ваших юнгианских приемов.

– Мне кажется, что все остальные сошли, – сердито выпалил он наконец, и тут в глазах его опять показались слезы, а одна даже выкатилась ему на щеку, и он сразу же вытер ее

тыльной стороной руки.

– Мне иногда помогает прогулка, – сказал я. – Хочешь пойти пройтись вместе со мной?

Он кивнул, и весь остаток дня мы с ним гуляли. Думаю, мы прошли в общей сложности миль восемнадцать, обменявшись едва ли парой слов. Но наша непосредственная близость друг к другу во время путешествия, похоже, очень помогла. Чем дальше, тем больше я уверялся, что и ему мое присутствие помогало ничуть не меньше. Так мы шли и шли, вместе напиваясь силой. И наше доверие к ниточке с Лукасом на одном конце и Эли на другом росло, чем больше мы ее испытывали на прочность.

На обед Джилл принесла домой несколько кусков домашней лазаньи, которую мы жадно проглотили, усевшись в столовой.

– Чем вы двое сегодня были заняты? – спросила она.

– Просто долго гуляли, – сказал Эли.

– Понравилось? – спросила она, и мы с Эли одновременно кивнули. Вдохновленный, я предложил всем вместе после обеда пойти на Мэйн-стрит купить мороженого. Дарси очень любила так делать по весне, теплыми вечерами, такими, как нам преподнесли в тот день. Эли и Джилл радостно согласились, и мы пошли к «Морожено положено» – как Вам наверняка известно, излюбленному заведению всего Мажестика. Хотя, как я теперь понимаю, я никогда не видел Вас там лично. Вне Вашего кабинета я видел Вас только в кинотеат-

ре «Мажестик», потому что мы оба очень любили кинематограф. Помните, тем вечером, когда случилась трагедия, под развешанными в фойе черно-белыми фотографиями из сороковых и пятидесятых мы с Дарс обменялись любезностями с Вами и Вашей женой Леандрой – необычное происшествие, поскольку Вы всегда настаивали на неприкосновенности психоаналитического ящика, что означало полное отсутствие контакта вне анализа. Наверняка помните. Первый и единственный раз, когда мы говорили друг с другом вне кабинета. Мы обменялись улыбками и вполне внятыми приветствиями. Дарс сказала Леандре: «С Рождеством», и Леандра в ответ сказала ей: «С праздником». Первый и единственный раз, когда наши жены общались. Не знаю, считать ли этот случайный обмен репликами зловещим или же благостным. Наверное, можно его расценить и так и так. Но в любом случае он кажется значительным, правда?

Впрочем, вне зависимости от того, любите ли Вы мороженое и знакомы ли с вкусовым великолепием «Морожено положено» – где мы с Дарси даже подрабатывали как-то вместе в летние каникулы, – первые предвестники беды в тот вечер, когда мы с Джилл и Эли решили купить себе по порции, появились еще по дороге. Пешеходы, которые встречались нам по пути, бросив на нас один взгляд, немедленно переходили на другую сторону улицы, и каждый раз это отдавалось неприятным звоном в каждой жилке моего тела. Потом оказалось, что Венди Льюис – которой теперь и принад-

лежит «Морожено положено» – держала себя по отношению ко мне, постоянному посетителю и даже товарищу по профессии, вовсе не так дружелюбно, как обычно. Она широко улыбнулась мне, когда я открыл дверь, но ее лицо потемнело, как только за мной показался Эли. Джилл попробовала снять напряжение и спросила у Венди, не случилось ли что, но самопровозглашенная королева мороженого сказала только: «Все в порядке», и отвернулась.

Потом мы сидели снаружи, облизывая рожки, а вокруг нас распускался теплый весенний вечер, и я понял, что прохожие больше не смотрят на меня, словно я герой или святой. Как будто я сумел выбраться из пьесы с собой в главной роли, но совершенно случайно. Вместо того, чтобы не отрывать глаз от меня, они смотрели на Эли – как на жуткое, разное, смертоносное чудовище, а потом бросали на меня беглый взгляд, как бы спрашивая: «Что вы делаете рядом с вот этим?» Некоторые из них, приблизившись к двери с явным намерением совершить покупку, разворачивались и уходили, как только замечали нашу компанию. Словно я, Джилл и Эли забыли одеться, выходя из дома, и сидели теперь перед всеми в непристойном виде.

Эли делал вид, что ничего не замечает, и я даже допустил на мгновение, что это просто мой многострадальный мозг играет со мной злую шутку, но потом группа подростков, которых я всех знаю по именам, но не стану здесь называть, уставились на Эли с таким выражением, что дальше обма-

нывать себя было невозможно. Не прошло и минуты, как Джилл разозлилась и крикнула: «Может, щелкнете фото? На дольше хватит!» Тогда один из подростков поднял телефон, чтобы и в самом деле нас сфотографировать, и Джилл метнула в него остатками своего рожка, от которого он увернулся, продемонстрировав завидную ловкость. Мороженое разметало по ветровому стеклу припаркованной спортивной машины, что побудило и остальных подростков выхватить телефоны и начать снимать всю сцену, комментируя происходящее в очень жестокой и нелестной для нас манере. Эли вскочил, швырнул свой рожок в мусор и зашагал прочь. Мы с Джилл последовали за ним.

Когда мы покинули Мэйн-стрит, Эли стал говорить вот так:

– Я ничего не сделал! Я ни при чем! Так нечестно! Я думал, что, если вы будете со мной, они отстанут, а они продолжают! И никто не слушает! Моя жизнь кончена. Кончена!

Мы с Джилл уверяли его, что несомненно его слушаем и хотим понять, и тут мне стало ясно, что Джилл почувствовала расположение к Эли, хотя, если честно, это как раз не сложно. Он хороший мальчик с добрым сердцем, которое и помогает ему выносить ужасы его положения – если только с ним рядом находится кто-то, кто может держать его так, как ему это необходимо.

– Путь вперед лежит через этого мальчика, – услышал я у себя в голове голос окрыленной Дарси. Но даже после

всех добрых, понимающих, сочувственных слов, которыми мы поделились с Эли, как только мы все трое достигли моего дома, он пересек лужайку, мрачнее тучи, и молча закрылся в палатке.

– Дадим ему время успокоиться, – сказала Джилл. Это показалось мне разумным, так что я вытащил складной стул, уселся за домом и наблюдал, как палатка мерцает оранжевым, оставаясь при этом в готовности вмешаться, если Эли снова примется стонать.

Я буду сторожем чувств Эли, подумал я, и уселся прямее. Распрямил спину. Позволил фаллической энергии восстать во всем теле и побудить вперед возложенную на меня миссию. Позволил себе гореть, оставаться в состоянии пылающего напряжения, направляя при этом фаллическую энергию без остатка на свою цель. Всему этому я научился на наших с Вами встречах.

Ко мне наконец пришло понимание, что я должен сделать. Я принял в этот миг решение стать для Эли тем, чем Вы, Карл, были – и, надеюсь, еще будете – для меня. Я внезапно почувствовал, что благословение нашего психоаналитического ящика я должен заслужить и что, возможно, Вы устраивали мне испытание – чтобы выяснить, достоин ли я Ваших наставлений, Вашего внимания, Вашей заботы, особенно после всего того, что Вы увидели тем вечером в кинотеатре «Мажестик». Ужас и осуждение, запечатлевшиеся тогда на Вашем лице, на время полностью лишили меня ду-

шевной потенции. Но теперь я принимал их как часть процесса вступления в мужественность. И я докажу Вам, Карл, что я достойный анализируемый, что не все еще потеряно. Я постараюсь стать самым лучшим юнгианским анализируемым во всей Вашей практике и по праву снова занять место в Вашей «мужской команде». И добьюсь я этого, создав собственную «мужскую команду», призванную предоставить заботу и одобрение с целью вскормить все самое лучшее в ее участниках. Начну я, разумеется, с мальчика, как Дарси и предлагает. Я применю все, что смог почерпнуть на наших встречах. Таким образом, в моей команде уже есть одно имя – Эли. На самом деле я подумываю добавить еще и Исайю, потому что люблю его как брата. Но по очереди, а не одновременно, по крайней мере в первое время.

И на следующий же день после той ночи, которую я провел на раскладном стуле, держа вахту над Эли, все и начало вставать на свои места в отношении пути вперед – но это я думаю придержать до следующего письма. Я и так много написал сегодня, и вообще в последнее время я ощущаю себя очень занятым, наподобие дирижера – только управляю я не музыкой, а чем-то другим, неожиданным для меня самого.

Скажете, это выглядит неуравновешенно?

Ха! Более уравновешенным, чем сейчас, я себя в жизни не чувствовал.

Я вижу все поле битвы с неумолимой ясностью – возможно, впервые в жизни. Уверенность моя беспримерна. Точ-

ность моих действий превосходит границы физически возможного.

Моя Личность поет.

Не упустите услышать эту песню.

Когда мы встретимся, не сомневаюсь, что вы посмотрите на меня с гордостью. Я в каком-то смысле провожу обряд инициации. Я помогу Эли переступить порог, и весь город поможет ему стать мужчиной, как в старые добрые времена, когда у нас еще сохранялись обряды для исцеления раненой подростковой души на пороге вступления во взрослость.

Кто знает, может быть, и Вы захотите принять участие в проекте, который задумал Эли.

Мы с Эли были бы очень рады. Мы собираемся привлечь всех, кто оказался в кинотеатре в момент трагедии. Даже Сандру Койл, при условии, что она пообещает вести себя прилично. Когда речь идет об исцелении, разборчивым быть не приходится. Мы обязаны исцелить всех, кто пожелает вновь обрести цельность, и сделать мы это должны тщательно, исчерпывающе и с полной отдачей души.

Ваш самый верный анализируемый,
Лукас

6

Дорогой Карл!

В конце прошлого письма Эли страдал у себя в палатке, а я, выпрямившись, сидел на раскладном стуле, как сторож его чувств. Я знаю это потому, что снимаю копии со всего, что отсылаю Вам, и перечитываю все от начала до конца, прежде чем принимаюсь за следующее послание. Я снова забросил зацепку на продолжение в надежде на Ваш ответ, которого снова не последовало.

Хорошо. Я на Вас не сержусь. Прямо наоборот. Теперь, что бы ни случилось, я никогда не буду на Вас сердиться.

Возвращаемся к нашему повествованию.

Я просидел во дворе всю ночь, иногда бросая взгляд в небеса, где летала Дарси, вычерчивая в ночном небе огромную восьмерку, знак бесконечности, словно объявляя, что будет со мной всегда. Ее крыла в свете звезд создавали потустороннее впечатление – такую красоту невозможно описать словами, ее можно только ощутить мгновенно. Зрелище было невероятно возвышенное, и я даже не огорчился, что она так и летала всю ночь и не спустилась ко мне поговорить.

Она приближается ко мне на расстояние прикосновения, только когда мы оказываемся наедине в безопасности спальни, за запертой дверью. Не знаю почему.

Но моя миссия заключалась в том, чтобы оберегать Эли, и

я не собирался отказываться от нее в первую же ночь, поэтому пришлось удовлетвориться только случайным взглядами ввысь – каждые несколько минут я воздымал лицо к небесам, чтобы быть успокоенным неизменностью полета Дарси. Она словно одобряла – или даже благословляла – мое начинание, и это наполняло меня уверенностью.

Взошло солнце, и Дарси скрылась в утреннем свете, растворилась постепенно, хотя я и не уверен, совсем ли она исчезла или просто солнечные лучи сделали ее невидимой. Окрыленная Дарси никогда не являлась мне днем, так что дальше предположений дело не зашло.

Я долго искал в сети, но пришел к выводу, что проверенной информации об ангелах не так уж и много. Первое, что выпадает в списках результатов, – это бейсбольная команда из Лос-Анджелеса, что само по себе о многом говорит. Когда я пошел по ссылкам, выяснилось, что большинство из них противоречат друг другу. Одна статья говорит одно, другая – другое. Мне попало так много несовместимых утверждений, что я решил выбросить их все и заняться самостоятельными исследованиями, полагаясь только на собственные наблюдения и накапливая эмпирические свидетельства – которыми я с Вами уже делился, и продолжу делиться на этих страницах.

– Ты вообще не спал? – спросила Джилл, проходя мимо моего стула по дороге на свой пост за стойкой «Кружки с ложками».

Солнце уже взошло, потому я спросил:

– А ты разве не опаздываешь?

Оказалось, что она посреди ночи дозвонилась второму повару – он засиделся за видеоиграми. Рэнди согласился открыть заведение в одиночку, чтобы дать ей поспать еще пару часов. Тут я понял, что она, скорее всего, сторожила меня, сторожащего Эли, до раннего утра. Я ни разу на оборачивался на окна дома, так что вполне возможно, что она тоже просидела так всю ночь. А я и не знал. Потом Джилл наклонилась, поцеловала меня в щеку и сказала: «Осторожней, ладно?»

Мне было интересно, что побудило ее сказать эти слова, и хотелось уточнить, в чем с ее точки зрения заключалась опасность, но какая-то часть меня испугалась получить ответ, поэтому я промолчал, и она ушла.

Я просидел еще полчаса, а потом громко позвал:

– Эли!

Еще дважды я выкрикнул его имя, и оглушительная тишина в ответ заставила мое сердце биться чаще.

Но наконец я услышал его «иду», и вслед за этим он сам вылез из оранжевой палатки – волосы взъерошены, глаза грустные и усталые.

Мы проследовали на кухню, где я снова приготовил завтрак, который мы снова съели в тишине, сопровождаемые только звяканьем приборов о посуду. Я допил последний глоток кофе и сказал:

– Может, продолжим ту работу, которую мы делали совместно в школе? Только на этот раз я буду свободен от правил и ограничений, которым обязан был следовать, пока я был воспитателем, а ты – учеником.

– В каком смысле? – спросил он, выглядывая из-за кружки с кофе, которую он обхватил обеими ладонями.

Я быстро перевел разговор на свой опыт юнгианского психоанализа и рассказал ему о Вас. Я осознаю, что нарушил таким образом договор, который мы заключили, и подверг пар в закрытом сосуде опасности улетучиться прежде, чем рис успел приготовиться. Но в создавшейся ситуации у меня не было иного выхода. И мне кажется, я привлекательно изложил преимущества юнгианского подхода. Я рассказал ему, как однажды у себя в кабинете во время встречи с одним из его одноклассников испытал панический эпизод такой силы, что меня увезли из школы на скорой, потому что я был уверен, что у меня инфаркт.

– Так у вас на самом деле инфаркта не было? – уточнил он, потому что все в школе знали с моих слов, что он был.

Потом я рассказал Эли, как Вы помогли мне разобраться с материнским и отцовским комплексами и как возвели вокруг моей Личности временную опалубку, опираясь на которую можно было заняться ремонтом поврежденных частей. В продолжение моего монолога он держал зрительный контакт и кивал в нужных местах.

– Нам придется начинать с нуля. Но я все же уверен, что

способен помочь тебе исцелиться, и тогда ты сможешь вернуть себе контроль над своей жизнью и войти в мир настоящим мужчиной, – сказал я ему.

Он спросил, что это значит, и я объяснил ему про фаллическую энергию и необходимость направить ее на мишень или цель, и про стремление войти в мир с уверенностью в себе, и что я помогу его инициации в мужское сообщество, как более взрослые мужчины помогали подросткам на протяжении всей древней истории, до наступления современности.

– Мистер Гудгейм, а каким образом вы сейчас входите в мир? – спросил он. Я не услышал в вопросе сарказма; ему действительно было интересно.

Тогда я рассказал, что моя цель – искупить и спасти его, чего бы мне это ни стоило. Воскрешение Эли являлось моей единственной задачей, и я согласен был совершить любые действия, направленные на возвращение ему душевной целостности. Это его немного ошарашило, и он какое-то время сидел, уставившись себе в колени.

Мы провели в молчании пару минут, и я спросил:

– В чем дело?

Тогда он сказал, что не считает меня виноватым ни в чем, что касается его брата, и что таким образом я вовсе не обязан делать из него «проект».

– Но тем не менее палатку ты поставил во дворе у меня, – возразил я, и, к моему собственному удивлению, эти слова были наполнены такой уверенностью, какой я от себя никак

не ожидал.

Он долго взглядом искал что-то в моих глазах, так же, как я когда-то искал в Ваших, пытаюсь хоть за что-нибудь зацепиться – что-то, что позволило бы мне Вам довериться.

– Судьба свела нас вместе, Эли, – сказал я с еще большей уверенностью. Мне казалось, что я временно покинул свое тело и им управляла теперь некая высшая сила.

Тут меня осенило. Я вытащил телефон и набрал номер Исайи. Пока шли гудки, я нажал кнопку, которая позволяла слышать разговор всем, кто находился рядом. Когда мой лучший друг взял трубку, я сказал:

– Доброе утро, Исайя.

– Лукас! Ты застал нас с Бесс на пути от машины в дом Божий, где мы этим чудесным благословенным утром вознесем за тебя усердные молитвы.

– Спасибо, – сказал я. – Я включил громкую связь. Тут со мной Эли.

– И за тебя, Эли, я тоже стану молиться. Я рад присутствовать посредством телефона рядом с тобой и моим любимым воспитателем подростков. Чем я могу быть вам полезным, господа?

Тут я быстро изложил свой план – помочь Эли добыть аттестат за среднюю школу. Я попросил у Исайи полной свободы в отношении выбора дипломного проекта, с помощью которого Эли мог бы выполнить требования к выпуску. Я явным образом упомянул, что пока не знаю, в чем он мог бы

заклучаться и сколько времени понадобится на его завершение. После чего я передал Исайте решимость Эли не возвращаться в школу – никогда больше не переступить порог этого здания, – но подчеркнул, что существует возможность заинтересовать его работой под моим руководством.

Я выговорился, и Исая сказал:

– Эли, ты в надежных руках. Я позабочусь обо всем, что зависит от меня. Как только Лукас Гудгейм объявит, что ты проделал достаточно работы, чтобы получить аттестат, ты его получишь. В тот же момент. Однако я хотел бы получать регулярные отчеты о твоём продвижении. Также, если возникнут какие-нибудь затруднения, которые я мог бы разрешить, немедленно звони мне. Слышишь?

Мальчик смотрел на меня в изумлении, и я кивнул на телефон, лежащий перед нами на столе, имея в виду «ответь, пожалуйста», и тогда он сказал: «Да, слышу».

– Лукас, к тебе тоже относится, – добавил Исая.

На что я ответил:

– Так точно.

– Теперь прошу прощения, воскресное богослужение вот-вот начнется. Я обязательно замолвлю за вас словечко перед большим начальством, – сказал Исая и повесил трубку.

Эли снова ищуще заглянул мне в глаза, а потом спросил:

– То есть вы теперь мой учитель?

«Я теперь твой Карл», подумал я, но не сказал это вслух.

Вместо этого я велел ему помочь мне с приготовлением

еды, потом мы уложили сэндвичи в пакеты, добавили к ним немного орехов и сухофруктов, наполнили водой фляжки и собрали рюкзаки. Мною продолжала управлять невидимая сила; мы забрались в машину и поехали прочь из Мажестика. Вскоре мы оказались у подножия Соколиной Горы. Мы поднялись по каменистой тропе к смотровой площадке, уселись на камне и стали наблюдать за полетом хищных птиц, взмывающих ввысь на невидимых нам воздушных потоках.

– Почему вы меня сюда привезли? – спросил Эли.

Я ответил, что мы с Дарси забирались на Соколиную Горку почти каждую неделю.

– Это было ее самое любимое место на свете. Всякий раз, когда мы здесь оказывались, а мы залезали на вот эту грудку камней сотни раз, она говорила, как ей хотелось бы уметь летать. С горькой завистью она следила за птицами в бинокль и все повторяла: «Я бы руку отдала, если бы мне было позволено хотя бы раз парить вот так. Смотри, как они царственны. Как они просто обретаются в небе, вне власти всяких сложных эмоций. Жизнь для сокола не таит трудностей».

– Мне очень жаль, мистер Гудгейм, – сказал Эли. – Про вашу жену.

Тут я понял, что ему, наверное, неловко слушать, как я говорю про Дарси, учитывая содеянное его братом, и решил сменить тему.

– И что бы тебе хотелось сделать в качестве дипломного проекта?

– А что это вообще такое – дипломный проект? – спросил он, потому что ученики старших классов в Мажестике уже давно перестали их делать.

Тогда я объяснил, что в прежние времена каждый ученик выпускного класса в последней четверти самостоятельно исследовал какой-нибудь вопрос, а потом должен был лично представить результаты перед комиссией. Правила относительно выбора темы нарочно были расплывчатыми, чтобы поощрять академическую свободу и творческий подход.

– А почему тогда это прекратилось? – спросил он. На этот вопрос у меня не было хорошего ответа, и я просто пожал плечами. Тут Эли сказал:

– Значит, это будет что-то для нас двоих? Никто другой не будет участвовать?

– Это будет то, что ты захочешь, – сказал я, прикрывая глаза от солнца, чтобы разглядеть орла, кружившего высоко над нами. Мне стало интересно, бывает ли здесь окрыленная Дарси, летает ли теперь с орлами, соколами и стервятниками, и если да, то не получила ли она таким странным образом в точности то, о чем мечтала так много раз, сидя на этом камне?

Мы с Эли не торопясь съели свои припасы, продолжая наблюдать за хищными птицами – которые продолжали царить в небесах.

По дороге вниз я спросил Эли, знает ли его мать, где он. В ответ я получил поток ругательств. Из них выходило, что ему

все равно, что его мать знает или не знает, и что он считает ее лично виновной в трагедии в кинотеатре «Мажестик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.